Легенда об Уленшпигеле

Автор:
Шарль Костер

Легенда об Уленшпигеле

Шарль де Костер

Знаменитая книга Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле», увидевшая свет в декабре 1867 года, не только прославила бельгийскую литературу, но и стала выдающимся явлением всей мировой литературы, в контексте которой это произведение стоит рядом с такими великими книгами, как «Дон Кихот» Сервантеса и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле. Роман Шарля де Костера, повествующий о приключениях Тиля Уленшпигеля и его друга толстяка и обжоры Ламме Гудзака, пропитана духом свободолюбия. Тиль Уленшпигель, шутник и остроумный насмешник, от которого достается высокомерным дворянам, и монахам, и королям, становится борцом, храбрым гезом, воплощающим в себе национальный дух Фландрии. Тиль – народный герой, никогда не умирающий и не стареющий. Он многолик: то он солдат или крестьянин, то живописец в ландграфском дворце, то шут при дворе короля, но везде он остается бунтарем, борцом за счастье своего народа.

Шарль де Костер

Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях

Шарль де Костер и Тиль Уленшпигель

Шарль де Костер (Charles de Coster, 1827–1879) родился в Мюнхене в семье управляющего делами епископа 20 августа 1827 года. Отец его был фламандцем, мать – валлонкой. Вскоре родители вернулись в Брюссель. Учился он в духовном коллеже, служил в банке шесть лет – после смерти отца не было средств к существованию. В 1850 году поступает в университет, но более всего увлекает де Костера литература. В 1847 году де Костер – один из организаторов группы «Весельчаки» в среде брюссельской литературной молодежи, которая ищет пути для национального искусства. Ищет путь в искусство и Шарль де Костер. Ему уже тогда свойственна была готовность служить искусству. «Прекрасно, когда человек горд и свободен, даже если он остается бедным», – писал де Костер, предрекая собственную участь. Эта решимость служить искусству, не боясь невзгод, бедности, – величайшее достоинство де Костера, предпосылка развития художника-демократа.

«Дерзайте, будьте революционерами!» – этот призыв де Костера, это его кредо звучало в условиях Бельгии смело, дерзко, выделяя писателя из ряда тогдашних бельгийских писателей, над которыми тяготели осторожность, неуверенность и консерватизм. Оно было условием выхода писателя к дерзкой, революционной «Легенде об Уленшпигеле…», самому значительному произведению бельгийской литературы 1830–1867 годов.

В де Костере не только должен был созреть художник, как в каждом большом писателе любой страны, – зрелость де Костера означала бы созревание литературы Бельгии, робкой, ищущей в те годы, когда ей решился служить молодой Шарль де Костер, тогда еще казавшийся одним из многих. Видимо, не случайно затянулись годы становления, годы поисков – де Костеру надо было подняться над тем посредственным литературным уровнем, который для Бельгии представлялся нормой и неизбежностью. Де Костер был органически связан с литературным движением в Бельгии 40–60-х годов, он был членом тогдашних литературных кружков, активным сотрудником прессы, – и поднялся он к «Легенде об Уленшпигеле…», двигаясь в характерном для тогдашней бельгийской литературы направлении, с характерными для нее поисками и неудачами. Де Костера, его силу и его противоречивость, неровность невозможно понять, если забыть о бельгийской литературе того времени, ее уровне, ее возможностях – и о смелой, боевой, готовой к риску, к испытаниям позиции де Костера.

Первые стихи и прозаические опыты де Костера были прочитаны на собраниях «Весельчаков». В 1850 году в журнале «Бельгийское обозрение» первая

публикация писателя – новелла «Мохаммед». Де Костер печатает стихи, пьесы, рассказы, статьи.

Де Костер присматривался тогда к авторитетам, писал то о своей любви к Шиллеру и «мечтательной» немецкой литературе, то к Мольеру, то к Ж. Санд, то к Гюго. Преимущественно симпатии де Костера относились к романтизму Германии и Франции – начинающему писателю бельгийская литература не могла тогда предоставить увлекательных образцов. Под влиянием романтиков был и демократизм раннего де Костера, его свободолюбие.

В 1861 году де Костер публикует сборник «Брабантские рассказы». Написаны они были ранее и непосредственно примыкают к начальному периоду творчества де Костера, замыкают собой этот период. Через семь составляющих сборник рассказов заметно пробивается тенденция, которая подводила бельгийскую литературу в те годы к реализму. Некоторые из рассказов («Браф-пророк», «Христос», «Призраки») – это тоже «картинки», отражающие (как и произведения Леклерка, Консьянса и др.) современные нравы. Часто в этих рассказах в контрастном противопоставлении нравственных принципов раскрыто различие социального положения героев. Таково сопоставление двух людей, претендовавших на руку Анны (в рассказе «Браф-пророк») – богатого и легкомысленного человека и небогатого, но по-настоящему любящего. Де Костер предпочитал строить повествование вокруг любовной интриги не только в силу ее традиционности, доступности, но и вследствие того, что она позволяла продемонстрировать те внутренние качества, которым особенное значение придавал писатель: в любви, в способности к ней как бы апробируется, добрым или злым, человечным или бесчеловечным оказывается герой. Однако здесь давала себя знать и ограниченность де Костера: как и подавляющее большинство его современников в Бельгии, писатель не шел тогда дальше весьма трафаретных любовно-семейных ситуаций, отмеченных идилличностью и чрезмерной чувствительностью. Правда, известная специфика в этих ситуациях была. Особенно, может быть, интересно намечавшееся стремление де Костера отразить характерную бельгийскую проблематику. Это заметно в отборе деталей быта, в том, что часто подчеркиваются в героях «фламандские» черты.

Обычно де Костер рисовал фламандский тип как воплощение физической и духовной красоты, силы. Положительные герои де Костера уже тогда – дальние предшественники Тиля Уленшпигеля, «весельчаки», выше всего ставящие любовь, искусство. Показательно, что в новелле «Покорная просьба к комете», где люди делятся писателем на тех, кого следует покарать, и тех, кого надо

пощадить, среди первых – человеконенавистники, лицемеры и т. п., а вторые те, кто не делает зла и кто любит вино, женщин, искусство. Особенно должно быть замечено, что эти вторые, по классификации де Костера, – народ и люди искусства («крестьяне, рабочие, художники, музыканты, поэты»). Именно в этих людях видел писатель те качества, которые были для него положительными и, кроме того, своеобразно «фламандскими». Таков герой рассказа «Христос» – талантливый ремесленник-художник, красивый («похожий на Христа»), добрый.

В «Брабантских рассказах» положительные и отрицательные качества не воплощены в достаточно индивидуализированных, типизированных образах, не раскрывались в характерных ситуациях. Довольно трафаретные любовные интриги сменялись анекдотическими ситуациями, почти сказочными историями. Писатель еще слишком прямолинеен и даже дидактичен, безусловно, еще очень идилличен – все хорошо кончается, побеждает добро, добродетель неизменно вознаграждается.

Социальные выводы де Костера острее выражались тогда в аллегорически-условной форме тех рассказов, в которых уже очевиден был блестящий юмор писателя, где созданы фарсовые ситуации, не лишенные сатирической остроты. Таковы прежде всего рассказы «Покорная просьба к комете», «Маски».

Противопоставляя злу добро, де Костер, как и многие его современники, тяготел к неиспорченным, естественным нравам, близким «чистой» природе, которая и в его сборнике играет роль романтического прибежища для переживших несчастья людей. Загадочен герой рассказа «Призраки», поселившийся среди крестьян после тяжкого удара (смерти любимой женщины). Этот человек – живописец и скрипач, он убежден, что «природа, – вот истинная книга поэта, вот что он должен в первую очередь полюбить и понять».

Сборник «Брабантские рассказы» – крайне неслаженный, разностильный, разнохарактерный, как и весь начальный период творчества де Костера, когда писатель искал, примеривался. Показательно, однако, что по-разному, но очень настойчиво де Костер пытался воссоздать картины современных нравов, искал художественный идеал в сфере идеалов народных.

Первое по-настоящему оригинальное произведение де Костера – сборник «Фламандские легенды» (1858). Вышедший ранее «Брабантских рассказов», этот сборник писался почти одновременно с ними, но в большей части все же несколько позднее, в 1856–1857 годах, тогда как среди «Рассказов» есть

относящиеся к 1854 году. «Фламандские легенды» вплотную подводят к «Легенде об Уленшпигеле…».

Прежде всего – это четыре легенды о прошлом. Люди далекого прошлого встают со страниц легенд де Костера значительно более живыми, чем современники в его рассказах. Писатель сумел проникнуть в их мировосприятие, передать атмосферу почти легендарного прошлого.

В первой легенде – «Братья упитанной рожи» – это языческое прошлое, когда ритуал поклонения божеству приобретает характер веселого обжорства, поклонения плоти, такого неумеренного и раздольного, что вспоминаются полотна старых фламандских мастеров, много раз рисовавших разгульные крестьянские кермессы и сочные натюрморты. Вторая легенда – «Бланш, Клер и Кандид» – по контрасту с первой рисует воплощенное благочестие, чистое духовное начало. Третья – «Сир Халевин» – рассказ о чудовищной злобе и жестокости человека, ставшего служителем дьявола на земле и буквально изводившего одну христианскую душу за другой. И, наконец, последняя легенда – «Сметс Смее» – социально окрашенная повесть о смелом, находчивом и веселом кузнеце-фламандце.

Сюжеты легенд де Костера не оригинальны, заимствованы из фольклора, из старинных книг. Но с каждой следующей легендой писатель все более «очеловечивает» повествование, делает его драматичнее; вместо условных фигур появляется характер. Де Костер словно бы приближается к современности, а повесть «Сметс Смее» уже близка книге о Тиле, которая, будучи обращена в прошлое, поражает своей жизненностью и актуальностью, своим реализмом. От легенды – к историческому роману: таков путь де Костера в десятилетие, отмеченное его лучшими произведениями.

«Фламандские легенды» написаны старофранцузским языком, тонко обработанным, очень искусно модернизированным и доступным без специального знания старофранцузского. Де Костер изучал средневековые хроники, художественную литературу средних веков и Возрождения. Он считал французский язык Средневековья «богатейшей палитрой», несравненным средством художественной характеристики и писал, что прибегает к нему «во имя правды». Старофранцузский язык не воспринимается в книге де Костера как мертвый, как искусственный, поскольку является средством раскрытия народного характера.

Де Костер возродил жанр легенды, наивного «сказа», где автор как бы сливается со своим героем в общем для них мировосприятии. Вместе с тем де Костер почти незаметным образом вводит в повествование то отношение к происходящему, которое характерно для современного человека, для писателя XIX столетия. Рассказы имеют ироническую окраску, придающую им своеобразное очарование, остроту и тонкость. Например, строго и торжественно говорится о подвигах трех благочестивых девственниц в легенде «Бланш, Клер и Кандид». Казалось бы, автор полностью слился со своими героинями, но ирония возникает как раз в силу контраста между нелепостью чудес и полной серьезностью, «убежденностью» повествователя в их истинности. В рассказе «Сир Халевин» жестокого убийцу, питавшего свою силу зверским умерщвлением юных девушек, карает бесстрашная и прекрасная Магтельт. Рассказчик торжественно славит ее подвиги, которые вместе с тем в точности напоминают рыцарские единоборства, хотя не рыцарь, а слабая девушка решается вызвать злодея на смертный бой.

Сильнейшего комического эффекта де Костер добивается в самой содержательной из легенд – «Сметс Смее». За душой кузнеца, некогда в трудную минуту продавшего ее дьяволу, приходят черти различных рангов. Чудесное, сверхъестественное здесь погружено в материальное, конкретно-чувственное, повседневное. Таков, например, монолог черта о том, сколь различны по вкусу души разных людей и как просто, обыденно черти в аду поглощают эти грешные души. Кузнец обманывает всех чертей, в том числе и их короля: народная смекалка, мужество кузнеца оказываются сильнее, чем все дьявольские выдумки, все чудеса сверхъестественных сил.

В рассказе о кузнеце Сметсе де Костер ближе всего подошел к «Легенде об Уленшпигеле…». Есть основание предполагать, что «Сметс Смее» – первый набросок того, что позднее реализовалось в романе, так как работу над ним де Костер как раз и начал в конце 1850-х годов. «Сметс Смее» – единственный рассказ сборника, насыщенный богатейшим общественно-политическим содержанием. Сметс – уже не пассивный носитель добродетелей, жизнерадостности, доброты, красоты, как более ранние народные герои де Костера. Сметс – не только веселый и талантливый кузнец, но и свободомыслящий гёз. Богачи разоряют Сметса именно потому, что им приходилось слышать о нем как о гёзе, враге испанского короля и папы римского, стороннике реформированной церкви. Здесь впервые намечается конфликт, который станет центральным в «Легенде об Уленшпигеле…». Об Уленшпигеле напоминает и ненависть к угнетателям, которая особенно ощутима в конце рассказа, когда король чертей сливается в одном облике с испанским

королем Филиппом II. Обманув этого омерзительного, «вонючего короля», сопровождаемого тучей вшей, Сметс мстит ему за Фландрию, за всех обиженных, обкраденных, умерщвленных. Сметс и его помощники восклицают: «Пусть вечно живет Фландрия!» Тот же патриотический призыв зазвучит и в «Легенде о Тиле…»

Однако «Сметс Смее» – лишь первый набросок будущего великого произведения де Костера, над которым писатель работал десять лет. Для того чтобы Сметс смог превратиться в Тиля, необходимо было это десятилетие – время наибольшей общественной активности де Костера, когда развились и укрепились его демократические убеждения.

Де Костер был сотрудником журнала «Уленшпигель» с момента его возникновения в 1856 году. После 1860 года журнал стал воинствующим органом бельгийской демократии, объявившим войну «богам, святым, папам и королям». Этот резкий поворот в позиции журнала был обусловлен обострением политической борьбы в стране, наступлением католической реакции и, с другой стороны, укреплением демократических сил. Шарль де Костер был одним из самых деятельных и смелых сотрудников боевого «Уленшпигеля».

Публицистика де Костера – замечательная, недооцененная, к сожалению, страница его творческой биографии. И дело не только в том, что в публицистике де Костера чувствуется рука подлинного мастера, но и в том, что его статьи органически связаны с его художественным творчеством, с его «Легендой об Уленшпигеле…».

Статьи в журнале «Уленшпигель» писались от имени Уленшпигеля (подписывались псевдонимом «Карел»). Уленшпигель как бы беседовал с читателем. Более того, в публицистике возникал образ этого героя де Костера – и прежде всего благодаря речевой характеристике, благодаря эмоциональной, образной, иронической, саркастической речи, напоминающей о монологах Тиля в романе.

В статьях де Костера заметно, насколько герой «Легенды об Уленшпигеле…» близок самому автору, насколько он выражает мысли и чувства создавшего его художника; у Карела Тиль Уленшпигель судит не прошлое, как в романе, а прямо высказывается о настоящем.

Де Костер был отличным «международником». Можно позавидовать не только блеску, с которым он «подавал материал», но наблюдательности и проницательности его суждений. Он много писал о международном положении, о Европе, он мыслил широко, видел весь континент – в движении, в борьбе. Статьи де Костера создают точную картину предымпериалистической эпохи – великие державы на пороге столкновений, начало колонизации дальних стран, революционные бури…

По де Костеру, «старая Европа» «полна страха», она «тяжело больна», а «католицизм и монархизм убираются прочь» и так «низко пали», что «говорить неудобно».

Де Костер – решительный противник римско-католического папства – «с тех пор, как папство родилось, оно хорошо говорит, но делает плохие дела», проповедник в церкви старается во имя одного: «надеюсь, что я тронул ваши души – откройте мне ваши кошельки». А «Испания – это страна, которая во все времена наилучшим образом занималась уничтожением мавров, грабежом Индий и поджариванием еретиков; и все это во имя величия Бога и сохранения этого высокого института, который зовется правом наследования и божественным правом». Де Костер видит ярмо, которое надевают народам американские дельцы и европейские «цивилизаторы», грабящие Китай: англичане и французы «завладели летним дворцом Императора, который был ограблен и опустошен согласно нравам и обычаям просвещенных народов».

Вот как характеризовал современность де Костер в статье от 23 декабря 1860 года: «Каждый обеспокоен, в воздухе гроза, неизвестность, революция…»

«В воздухе революция» – такой казалась Европа де Костеру. Писатель приветствовал борьбу народов за освобождение в Италии, Австро-Венгрии, Ирландии, Польше. «Лютер, Кальвин, Эразм, Марникс, Вольтер, Жан Жак, люди 89 года, 93-го и 48 годов, – каждый посеял зерно; и вот повсюду дает о себе знать их расцвет и готовится к сбору урожай…» Подлинным героем для де Костера был Гарибальди. О нем он писал постоянно, им восхищался. Как защитник национальной свободы и независимости оценивал де Костер и положение дел в Бельгии. «Фламандцы, будем помнить, что валлоны – наши братья», – писал он. И постоянно повторял: «Мы хотим, чтобы каждый народ сохранял свой язык, свое местное наречие». Обращаясь к «старому миру», де Костер произносил пророческие слова: «Но вот поднимаются против вас народы, свобода, несгибаемая справедливость. Одно дуновение – и где прошлое? Я вижу

на его месте лишь немного пыли, которая разносится ветром».

А между тем именно прошлому посвящено главное произведение Шарля де Костера, этого «эпического поэта свободы», как назвал его Ромен Роллан.

«Легенда о героических, забавных и славных приключениях Уленшпигеля и Ламме Гудзака во Фландрии и других странах» вышла в свет 31 декабря 1867 года.

«Народ умирает, если он не знает своего прошлого», – утверждал де Костер. В «Легенде об Уленшпигеле…» описываются события середины и второй половины XVI века, события Нидерландской революции. Центральным конфликтом романа становится борьба с испанскими угнетателями, с римской католической церковью. Точен де Костер и в описании отдельных знаменательных событий и фактов, в изображении исторических личностей – наряду с вымышленными в романе немало образов деятелей Нидерландской революции (Вильгельм Оранский, граф Эгмонт и др.) и ее врагов (Карл V, Филипп II). Отмечая действительные заслуги исторических личностей, де Костер осознает противоречия между имущими классами и народом, а подлинно революционную энергию видит в поднявшемся на борьбу крестьянстве и городской бедноте. Именно бедняки – истинные гёзы, в их руках судьба революции. Этим произведение де Костера существенно отличается от множества созданных в Бельгии исторических произведений, в которых Бельгия прошлого изображалась как единая семья патриотов, преграждающих путь оккупантам. Де Костер значительно точнее в характеристике социальной природы патриотизма, чем, например, Консьянс, в произведениях которого пособники захватчиков выглядели каким-то редким безнравственным исключением из общего для всех обитателей Бельгии правила – беззаветно служить родине.

Де Костер заботливо и точно воспроизводит в «Легенде об Уленшпигеле…» народные обычаи, верования, суеверия, праздники. Герои давно ушедшего времени выступают здесь в костюмах своей эпохи, во всем богатстве неповторимо-индивидуальных деталей быта и нравов. Язык, костюмы, обряды оказываются не театральным реквизитом, не мертвым музейным достоянием, а живой характеристикой народа именно потому, что де Костер передал дух народа, его сущность, его общественно-историческую роль.

«Легенда об Уленшпигеле…» написана французским языком с очень частым употреблением фламандских слов, терминов, местных выражений и понятий. Две языковые стихии – французская и фламандская, сливаясь в романе, свидетельствуют о том, что де Костер ощущал себя не писателем Фландрии или Валлонии, а писателем Бельгии. Характерно, что самый крупный писатель в начале периода 1830–1867 годов Андре Ван Хассельт и замыкающий этот период Шарль де Костер стремились (каждый по-своему) воссоединить французский и фламандский языки, использовать в своем творчестве возможности и одного, и другого. Де Костер на практике доказал, что язык как важнейший элемент национальной формы не есть нечто застывшее, мертвое, консервативное, что возможности его поистине безграничны. «Легенда об Уленшпигеле…» во всем, включая и язык, опирается на неисчерпаемый и вечный источник народного творчества. Роман де Костера питался бесконечной мудростью и образностью народного языка, он насыщен афоризмами, поговорками, живой речью простолюдина. Но де Костер строг в отборе и, следуя народу-языкотворцу, сам творит язык, изобретательно демонстрирует его новые возможности, его безграничную изобразительную силу.

Типические обстоятельства революционной эпохи, жизни и борьбы народа определяют созданные де Костером типические характеры, проявляются и выявляются в системе образов романа. Де Костер сам представил своих главных героев в виде определенной «системы», когда на первых же страницах книги устами «доброй колдуньи» Катлины заявил: «Клаас – это твое мужество, благородный народ Фландрии, Сооткин – твоя доблестная мать; Уленшпигель – твой дух; славная и милая девушка, спутница Уленшпигеля, подобно ему бессмертная, – твое сердце, а толстопузый Ламме Гудзак – твой желудок. И наверху кровопийцы народа, внизу – жертвы, наверху – разбойники – шершни, внизу – работящие пчелы, а в небесах будут кровью истекать раны Христовы».

Главный герой романа – Тиль Уленшпигель. Как известно, образ этот не вымышлен де Костером, но заимствован из обширной народной литературы Средневековья и Возрождения, в которой Тиль был одним из самых популярных героев. Сам де Костер признавался, что двадцать глав первой части представляют собой заимствование из одной фламандской книги о Тиле Уленшпигеле, в той или иной степени переработанное писателем. Фольклорный персонаж де Костер превратил в гёза, в революционера, создав образ народного героя революции XVI века. Это превращение определяет эволюцию Тиля Уленшпигеля в самом произведении. Роман де Костера подразделяется поэтому на две части, первую из которых составляет первая книга, а вторую – последующие четыре. В первой книге романа Тиль по сути своей близок героям

других произведений о нем.

Тиль – дитя народа и его воплощение. Сын бедного угольщика, рожденный под покровительствующими ему лучами царя-солнца, шестью крещениями приобщенный к самой природе, к ее радостям и горестям, Тиль с раннего детства живет среди природы, среди народа (дома его «не дождутся»). Смышленый и находчивый, смелый и умелый, остроумный и озорной, Тиль кажется воплощением юности, здоровья, силы народа. Он отнюдь не аскетичен и далеко не ригорист. Он безграничен и всеобъемлющ, как сама жизнь, и, как в самой жизни, в нем все бесконечно талантливо. Тиль безудержно весел – де Костер считал особенностью своего народа «смех искренний, веселый, язвительный и тонкий». В веселых приключениях Тиля, героя первой книги, осмеиваются ханжество, лицемерие, скупость церковных святош и толстосумов. Озорство Тиля поэтому вовсе не бесцельно. Однако в его первых приключениях и путешествиях часто ощущается анекдотичность, характерная для плутовского романа и для средневекового антиклерикального фарса.

Первая книга – лишь введение, юность героя, а зрелость Тиля наступает при созерцании «несчастной земли», бесчисленных мук народа, причиненных церковью и королем Испании.

Зловещая концовка книги – казнь Клааса, смерть Сооткин – подготавливается с первых же ее страниц, когда наряду с рассказом о Тиле следует сопровождающий его, как мрачная, черная тень, рассказ о рождении и юности будущего короля Филиппа II. Однако почти до конца первой книги эти две линии параллельны, не пересекаются. Тиль пока остается вне тех созревающих в обществе взрывов и бурь, в которые он вовлекается после гибели близких, когда зловещая тень легла на Фландрию и на семью Клааса.

Вторая книга романа начинается с того, что «ранним сентябрьским утром… вышел в путь Уленшпигель по направлению к Антверпену искать Семерых». Вновь развертывается серия различных приключений на пути вновь путешествующего героя. Однако перед читателем иной, зрелый Тиль. Он уже не только комичен – он трагичен. Это уже по существу иной образ. «Индивидуум стал типом, – заметил Р. Роллан в предисловии к „Легенде об Уленшпигеле…“, – он принадлежит определенному месту – Дамме из Фландрии, определенному времени – веку Палача, Филиппа II, и Молчаливого Оранского…».

В аллегорической сцене общения с духами Тиль приобщился к загадкам Вселенной, которые ему надлежит разгадать. Поиски Семерых – это познание сущности жизни. Мужество, энергия, находчивость Тиля стали теперь сознательно целенаправленными, его действия приобрели философски-социальный смысл. Тиль Уленшпигель, покидая дом, потому что «пепел Клааса стучит в его сердце», становится революционером, превращается в гёза, в активного деятеля революции XVI века. Тиль только теперь вырастает в могучую, почти символическую фигуру народного героя, воплощающего «дух Фландрии». Он ощутил себя ответственным за свою родину, почувствовал себя ее сыном, с болью воспринимающим все ее страдания.

Тиль путешествует не один – рядом с ним его верный друг Ламме, «желудок Фландрии», – законченный и превосходный образ. Однако Ламме сопутствует Тилю потому, что он неотделим от него: Ламме противоположность Тиля и часть его. Столь несхожие между собой Тиль и Ламме образуют нераздельную пару, подобную Дон Кихоту и Санчо у Сервантеса, Пантагрюэлю и Панургу у Рабле.

Когда Тиль благодарит солнце за то, что оно постоянно напоминает, сколь «благословенны скитающиеся ради освобождения родины», Ламме хнычет: «есть хочу». Когда Ламме причитает: «Ох-ох, всего-всего я лишен, ни dobbelbruinbier, ни порядочной еды. В чем здесь наши радости?», – Уленшпигель говорит: «Проснись, фламандец, схватись за свой топор, не зная жалости: вот наши радости. Бей врага испанца и католика везде, где он попадется тебе. Забудь о своей жратве». С одной стороны, Ламме – антагонист Тиля, поскольку Тиль неизмеримо больше, чем «желудок», поскольку в Тиле бесконечное мужество и самоотречение, поскольку он «дух Фландрии», ее разум, ее ненависть. Но Ламме – и часть Тиля, так как, во-первых, и Ламме не просто «желудок». Он не только сопровождает Тиля – он, когда приходит час, сражается во имя свободы Фландрии, он тоже гёз. Словам Тиля, постоянно повторяющимся, звучащим, как клятва, как лозунг, – «пепел Клааса стучит в мое сердце» – сопутствует жалобное восклицание Ламме: «Где ты, жена моя?» Это созвучие столь разнородных на первый взгляд стремлений отличает, конечно, Тиля с его пылающей ненавистью от мягкосердечного, нежного «ягненка» – Ламме. Однако эти «рефрены» героев и дополняют друг друга, являются выражением глубокой человечности Тиля и Ламме. И если революционная целеустремленность Тиля увлекает сопутствующего ему Ламме, то бесконечная нежность Ламме звучит как необходимый аккомпанемент суровой клятве Тиля.

Ламме – часть Тиля еще и потому, что в нем выделены, гиперболизированы те качества, которые присущи Тилю. Ламме – «ягненок», но сколько нежности в Тиле, сколько самой возвышенной поэзии в любви Тиля и Неле. Неле – «сердце Фландрии», но и Тиль – ее сердце. С другой стороны, если Ламме – «желудок Фландрии», то ведь и в Тиле де Костер восславил здоровую, красивую плоть.

Вся книга де Костера с присущим ей озорным преувеличением здоровых аппетитов народных героев проникнута раблезианским мироощущением. Ренессансное возвеличение человека, утверждение всех возможностей и проявлений его богатой и разносторонней натуры осуществлено прежде всего в образе Тиля, который высок духом, но и силен телом. Тиль не пройдет мимо ни одной хорошенькой девушки, писатель никогда не забывает указать, сыт или голоден герой, как он достает себе пищу и как расправляется с ней. Сцены пирушек в романе столь живописны, столь полнокровны, что заставляют вспоминать многие полотна классической фламандской живописи, как и удивительное мастерство де Костера-пейзажиста.

Образ «вкусного мира», красочно нарисованный де Костером, восприятие этого мира как «вкусного», сдобного, ядреного лежит в основе тропов романа: здесь нет прекрасней щечек, чем те, которые подобны помидору, а «сладкими устами» лакомятся, «как пчелка медом розы».

«Легенда об Уленшпигеле…» построена на резких контрастах и параллелизмах. К контрастным сопоставлениям положительного и отрицательного де Костер, впрочем, склонен был во всех своих произведениях, но ни в одном писатель не был столь последователен при создании контрастных образов, как в «Легенде об Уленшпигеле…». Очень часто единственной связью между главами является здесь сопоставление и противопоставление образов.

В основе контрастов в «Легенде об Уленшпигеле…» лежит четко очерченный общественный конфликт, непримиримость которого подчеркивается резкостью и остротой сопоставлений. Противопоставление семьи угольщика Клааса семье короля Карла, Тиля – Филиппу начинается в первых же главах книги. Сопоставление это идет под знаком противоположности жизни и смерти.

Тиль родился «в ясный майский день, когда распустились белые цветы боярышника», и появление его на свет приветствует солнце, которое «в багровом отблеске показало на востоке свой ослепительный лик». Когда же наступило время родов у королевы, Катлина наяву увидела: «Сегодня…

привидения косили людей, как косари траву… Девушек заживо в землю зарывали!.. Палач плясал на их трупах… Камень потел кровью девять месяцев, – в эту ночь он лопнул…» Тиля крестили в дождевой воде и в луже – «инфант был крещен в белых пеленках – знак императорского траура». И далее полному жизни и силы Уленшпигелю противопоставлен Филипп как создание безжизненное и враждебное жизни. Он едва влачит свое «тощее тело на неустойчивых ногах», у него «все болит»; инфант наслаждался тем, что терзает животных – став королем, он будет терзать людей.

Тиль безгранично широк, как сама жизнь, – Филипп безумно узок, фанатичен, однотонен, почти призрачен.

Считая зло чем-то враждебным жизни, чем-то противоестественным, де Костер превращает его в болезнь, разрушающую человека. Одержимым, ненормальным становится благодаря своей злости, своей ненависти к живому Филипп II, «коронованный паук». Рыбник, предавший Клааса и Сооткин, буквально превращается из человека в волка, происходит даже физиологическая его трансформация: «чем дальше, тем больше я чувствовал желание жить волком, моей мечтой было кусаться». Патологичен и третий злодей, погубивший Катлину, – дворянин Иоос Дамман.

Контрастные образы зла и добра – проявление многозвучия, многогранности романа, органически присущей ему публицистичности. При переходах от одного образа к другому де Костер резко меняет тон повествования, мягкую добрую иронию сменяют сатира, гротеск; ясные, светлые тона вытесняются мрачными, зловещими. Публицистичность особенно очевидна к концу романа, к моменту наивысшего его напряжения, когда речь идет о решительных сражениях, когда настойчиво звучит призыв «Да здравствуют гёзы!». Изображающие события главки, замечательные своей живописностью, наглядностью, сменяются здесь главками, которые содержат не картины жизни, а словно запись летописца, отрывки исторической хроники, сопровождаемые страстной декламацией.

В этой части – как и в публицистике де Костера – голос писателя сливается с голосом его героя, и порою де Костер даже говорит от имени «нас». Обширные рассуждения и речи Тиля учащаются. Они усиливают публицистический, политически откровенный и призывный характер последних книг романа. Уленшпигель превращается в комментатора событий, агитатора, разъясняющего Ламме, гёзам, читателю суть того, что происходит, пытающегося воздействовать на них, вовлечь в борьбу – точно так же, как это делал Уленшпигель – де Костер

на страницах журнала «Уленшпигель».

В заключительных книгах мышление героя образно, мысли и чувства воплощаются в картинах природы, в аллегорических сценах. Вот Тиль готовится отомстить рыбнику, убийце, потерявшему человеческий облик. В душе Тиля – буря ненависти, жажда мести, предельное напряжение. Все это становится ясным для читателя не из характеристики внутреннего состояния героя, но из обращения Тиля к черным тучам, грохочущему морю, завывающему ветру, из того, что «он не видел ничего, кроме черных туч, с безумной быстротой мчавшихся по небу, и приземистой, короткой, коренастой черной фигуры, приближавшейся к нему, и не слышал ничего, кроме жалобного завывания ветра, и бушующего моря, и скрипа усеянной ракушками тропинки под тяжелыми неровными шагами». Герой де Костера, безусловно, наделен творческим воображением, его мышление конкретно, образно, в сознании Тиля постоянно возникают живописные картины, он тонко чувствует природу. К концу романа обнаруживается, что Тиль – поэт и в тексте книги немало песен Тиля.

«Легенда об Уленшпигеле…» преимущественно состоит из небольших главок, каждая из которых относительно самостоятельна, напоминает отдельную новеллу, раскрывающую героя в том или ином происшествии, в той или иной истории. Главы-новеллы имеют свою композиционную завершенность, часто – свой «зачин», как правило, – свою концовку, вывод, соответствующее случаю назидание («так Уленшпигель научился балагурить ради выпивки», «так извлекает хитрец выгоду из чужой распри» и т. п.). Роман же близок циклу новелл, объединенных в одно целое. Можно заметить «швы» там, где «традиционный» Тиль сочетается с созданным де Костером образом гёза.

Шарль де Костер назвал свою книгу «легендой». Это и есть «легенда», но особенная, герои ее возвышаются до символа вечно юного, вечно живого народа. С этим связаны многие ее особенности. Прорицания, видения в романе не только передают наивные народные верования, но и выявляют аллегоричность романа. Не случайно ключевое место в его построении занимает чудесное общение Тиля с духами, побуждающее героя искать Семерых и подготавливающее к заключительным главам книги, где Тиль превращается из человека во плоти в неумирающий «дух» Фландрии.

Здесь очевидна связь с ранним творчеством самого де Костера. Однако если ранее романтические художественные средства порой доминировали, то ныне, в «Легенде об Уленшпигеле…», они вписываются в реалистическое произведение,

основывающееся на принципе типизации общественного содержания эпохи, на отражении этого содержания в характере героя, в социально-психологическом типичном образе. Социально-историческая и национальная конкретизация среды, обстановки, героев, проникновение в сущность эпохи составляют главную особенность творческой эволюции де Костера – от первых рассказов к «Легенде об Уленшпигеле…» и от первой книги «Легенды» к последующим, где Тиль Уленшпигель – прежде всего Тиль – предстает как гиперболизированный, подлинно национальный характер, а сама книга с ее контрастностью, патетикой, гротеском, аллегорией, – как романтическая легенда.

В дальнейшем де Костер издал еще несколько рассказов, а в 1870 году – роман из современной жизни, «Свадебное путешествие», однако в истории литературы писатель остался автором одной книги, в которой запечатлена судьба Фландрии в трагический и одновременно героический период ее истории и герой которой явился олицетворением непобедимого народного духа.

После «Легенды об Уленшпигеле…» и до смерти 7 мая 1879 года, то есть в течение последних 12 лет жизни, де Костер, уже создавший «национальную библию», оставался столь же безвестным и столь же бедным, как ранее. Материально поддерживала писателя мать. Безрезультатно добивался де Костер места библиотекаря в Гентском университете. Ему приходилось просить денег у правительства, чтобы расплатиться с долгами. Он умер, не дожив до 52 лет, и уже в этом возрасте, возрасте расцвета и зрелости для писателя, был «изнурен трудом, лишениями, заботами, болезнью».

Л. Андреев

Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях

Предисловие совы

Уважаемые художники, глубокоуважаемые издатели, уважаемый поэт! Я принуждена сделать несколько замечаний по поводу вашего первого издания. Как? Во всей этой толстой книге, в этом слоне, которого вы в количестве восемнадцати человек[1 - …в количестве восемнадцати человек… – Издание «Легенды» 1869 г. иллюстрировали 18 художников.] пытались направить на путь славы, не нашлось хотя бы крошечного местечка для птицы Минервы[2 - Птица Минервы. – В античной мифологии сова – птица богини Минервы, покровительницы ремесел, наук и искусств.], для мудрой, для благоразумной совы? В Германии и в вашей же любимой Фландрии я постоянно путешествую на плече Уленшпигеля, который, кстати сказать, и прозван так потому, что имя его означает сову и зеркало, мудрое и забавное, uyl еп spiegel. Жители Дамме[3 - Дамме – городок близ Брюгге (Фландрия).], где, как говорят, он родился, произносят Ulenspiegel – тут действуют правило стяжения гласных и привычка произносить иу как и. Это их дело.

Вы придумали другое объяснение: Ulen (вместо Ulieden) Spiegel – это, дескать, ваше зеркало, ваше, смерды и дворяне, управляемые и правящие, зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи. Остроумно, но опрометчиво. Никогда не следует порывать с традицией.

Быть может, вам показалась странной самая мысль представить мудрость в виде, по вашему мнению, мрачной и уродливой птицы – педантки в очках, ярмарочной лицедейки, подруги мрака, которая неслышно, как сама смерть, налетает и убивает. И все же, насмешники в обличье добродушия, у вас есть нечто общее со мной. И в вашей жизни была такая ночь, когда кровь текла рекой под ножом злодейства, тоже подкравшегося неслышно. Разве не было в жизни каждого из вас мглистых рассветов, тусклым лучом озарявших мостовые, заваленные трупами мужчин, женщин, детей? На чем основывается ваша политика с тех пор, как вы властвуете над миром? На резне и бойне.

Я, сова, безобразная сова, убиваю, чтобы прокормиться самой и чтобы прокормить моих птенцов, – убийством ради убийства я не занимаюсь. Вы обвиняете меня в том, что я иной раз уничтожаю птичий выводок, ну а вы истребляете все живущее. В своих книгах вы с умилением рассказываете о птичках – о том, как они быстрокрылы, как они красивы, как они любятся, как искусно вьют гнездышки, как тревожится мать за своих птенчиков, и тут же даете советы, под каким соусом надо подавать птичек и в какое время года они особенно вкусны. Я не сочинительница, упаси меня Бог, а то бы я про вас написала, что, когда вам не удается сожрать птичку, вы грызете гнездышко –

лишь бы поточить зубы.

Что же касается тебя, шалый поэт, то в твоих же интересах признать мое соавторство, – ведь по меньшей мере двадцать глав в твоем произведении принадлежат мне[4 - …ведь по меньшей мере двадцать глав в твоем произведении принадлежат мне… – К этим словам в издании 1869 г. (где впервые появилось «Предисловие совы») сделано следующее примечание (написано де Костером, но названо «примечанием издателей»): «Это утверждение вполне верно. Поэт позаимствовал из небольшой фламандской книжечки… озаглавленной „Het aerdig leven van Thyl Ulenspiegel“ („Земная жизнь Тиля Уленшпигеля“), главы 6, 13, 16, 19, 24, 35, 39, 41, 43, 47, 48, 49, 53, 55, 57, 59 и 60 первой книги своего сочинения. Номера глав, набранные здесь курсивом, обозначают, что главы эти – скорее создание автора, нежели пересказ. Впрочем, и все они подверглись значительной обработке, за исключением 62, 63 и 64. Остальные – с главы 65 и до конца сочинения – полностью принадлежат г. Ш. де Костеру, как, следовательно, и книги II, III, IV, V, которые целиком созданы воображением автора. Мы должны, однако, указать на два исключения: 1) проповедь брата Корнелиса Адриансена (с. 250 и сл.) заимствована по частям из сборника 1590 г. Автору пришлось свести воедино несколько отрывков из речей этого необузданного проповедника, чтобы можно было, избежав беспрестанных повторений, правильно нарисовать картину разнообразия сект XVI в.; 2) рефрен „Песни гёзов“ (с. 288) заимствован из песни тех времен, изложение исторических событий, например, рассказ о погроме собора Богоматери в Антверпене (с. 260 и сл.) и „Песня о предателях“ (с. 526 и сл.) основаны в главнейших чертах: первый – на достоверном сообщении почтенного хрониста Ван Метерена; вторая – на источниках неоспоримой подлинности из Королевского архива в Брюсселе».Сборник «проповедей брата Корнелиса Адриансена» (которого Костер считал историческим лицом) – анонимный памфлет конца XVI в.; Ван Метерен (1535–1612) – автор капитального сочинения по истории Нидерландов, которым Костер широко пользовался.], остальное я безоговорочно уступаю в твою пользу. Отвечать за все глупости, выпускаемые в свет, право, не так уж весело. Забияка-поэт, ты крушишь подряд всех, кого ты называешь душителями твоего отечества, ты пригвождаешь к позорному столбу истории Карла V[5 - Карл V, Габсбург – германский император (1519–1556), король Испании (с 1516 г.) под именем Карла I. Благодаря династическим связям и завоеваниям под его властью на краткое время оказались объединенными Испания, Нидерланды, часть Италии, Германская империя, испанские колонии в Новом Свете и другие земли. Современники говорили, что в его владениях никогда не заходит солнце. Опираясь на реакционные силы Европы, Карл V стремился к созданию всемирной католической монархии. Подчиненная этой

фантастической цели, политика его вызывала сопротивление и восстания в разных частях обширной державы. Проведший жизнь в войнах, но, несмотря на отдельные территориальные приобретения, не приблизившийся к осуществлению своих планов, Карл V в 1556 г. отрекся от престола.] и Филиппа II[6 - Филипп II – король Испании (1556–1598), сын Карла V. Правление Филиппа II было вершиной и началом упадка испанского абсолютизма. Внутренняя политика этого короля отмечена жестоким подавлением народных восстаний, уничтожением старинных местных привилегий, свирепыми преследованиями еретиков и инаковерующих, разгулом инквизиции. Во внешней политике Филипп II добивался подчинения всей Европы своему влиянию и вмешивался во внутренние дела других стран, поддерживая всюду силы католической реакции. После восстания в Нидерландах и поражения в войне с Англией (1588) крах испанской великодержавной политики стал очевиден.]. Нет, ты не сова, ты неосторожен. Ты ручаешься, что Карлы Пятые и Филиппы Вторые перевелись на свете? Ты не боишься, что бдительная цензура усмотрит во чреве твоего слона намеки на знаменитых современников? Зачем ты тревожишь прах императора и короля? Зачем ты лаешь коронованных особ? Не напрашивайся на удары – от ударов же и погибнешь. Кое-кто тебе не простит этого лая, да и я не прощу – ты портишь мне мое мещанское пищеварение.

Ну к чему ты так настойчиво противопоставляешь ненавистного короля, с малолетства жестокого, – на то он и человек, – фламандскому народу, который ты стремишься изобразить доблестным, жизнерадостным, честным и трудолюбивым? Откуда ты взял, что народ был хорош, а король дурен? Мне ничего не стоит тебя разубедить. Твои главные действующие лица, все без исключения, либо дураки, либо сумасшедшие: озорник Уленшпигель с оружием в руках борется за свободу совести; его отец Клаас гибнет на костре за свои религиозные убеждения; его мать Сооткин умирает после страшных пыток, которые ей пришлось вынести из-за того, что она хотела уберечь для сына немного денег; Ламме Гудзак всегда идет прямым путем, как будто быть добрым и честным – это самое важное в жизни. Маленькая Неле хоть и недурна собой, а все же однолюбка… Ну где ты теперь встретишь таких людей? Право, если б ты не был смешон, я бы тебя пожалела.

Впрочем, должна сознаться, что наряду с этими сумасбродами ты вывел несколько лиц, которые пришлись мне по душе: это испанские вояки; монахи, жгущие народ; фискалка Жиллина; жадюга-рыбник, доносчик и оборотень; дворянчик, по ночам прикидывающийся бесом, чтобы соблазнить какую-нибудь дурочку, а главное, нуждавшийся в деньгах хитроумный Филипп II, подстроивший разгром церквей, чтобы потом наказать мятежников, которых он

сам же сумел подстрекнуть. На что только не пойдет человек, если он объявлен наследником всех им убиваемых!

Но, кажется, я бросаю слова на ветер. Ты, может быть, не знаешь, что такое сова. Сейчас я тебе объясню.

Сова – это тот, кто исподтишка клевещет на людей, неугодных ему, и кто в случае, если его привлекают к ответственности, не преминет благоразумно заявить: «Я этого не утверждал. Так говорят…» Сам же он прекрасно знает, что «говорят» – это нечто неуловимое.

Сова любит соваться в почтенные семьи, ведет себя как жених, бросает тень на девушку, берет взаймы, иногда – без отдачи, а как скоро убеждается, что взять больше нечего, то исчезает бесследно.

Сова – это политик, который надевает на себя личину свободомыслия, неподкупности, человеколюбия и, улучив минутку, без всякого шума вонзает нож в спину какой-нибудь одной жертве, а то и целому народу.

Сова – это купец, который разбавляет вино водой, который торгует недоброкачественным товаром и, вместо того чтобы напитать своих покупателей, вызывает у них расстройство желудка, вместо того чтобы привести их в благодушное настроение, только раздражает.

Сова – это тот, кто ловко ворует, так что за шиворот его не схватишь, кто защищает виноватых и обвиняет правых, кто пускает по миру вдову, грабит сироту и, подобно тому как другие купаются в крови, купается в роскоши.

Сова – это та, что торгует своими прелестями, развращает невинных юношей – это у нее называется «развивать» их – и, выманив у них все до последнего гроша, бросает их в том самом болоте, куда она же их и завлекла.

Если какой-нибудь сове кое-когда взгрустнется, если она вдруг вспомнит, что она – женщина, что и она могла бы быть матерью, то я от нее отрекаюсь. Если, устав от такой жизни, она бросается в воду, значит, она сумасшедшая, значит, ей и незачем жить на свете. Посмотри вокруг себя, поэт из захолустья, и ты увидишь, что сов на свете гибель. Сознайся, что неблагоразумно было с твоей стороны нападать на Силу и Коварство, на этих венчанных сов. Подумай о грехах

своих, произнеси теа culpa[7 - Я согрешил (лат.).] и на коленях вымоли прощение.

Мне, однако, нравится твоя легкомысленная доверчивость. Вот почему, изменяя своей всем известной привычке, я все же почитаю за нужное тебя предуведомить – предуведомить о том, что я поспешу указать на резкость и дерзость твоего слога моим литературным родичам, а это люди осмотрительные и исполнительные, сильные своими перьями, клювом и очками, умеющие придавать самую очаровательную, самую благопристойную форму тем любовным историям, которые они рассказывают юношеству и которые зародились отнюдь не только на острове Киферы[8 - Кифера – древнее название одного из островов Греции, расположенного при входе в Лаконский залив. Кифера считалась родиной культа Афродиты, богини любви.], умеющие в течение часа неприметно разогреть кровь у кого угодно, хоть у твердокаменной Агнессы[9 - Твердокаменная Агнесса – христианская мученица, жившая, по преданию, в III или IV в.]. О дерзновенный поэт, ты, что так любишь Рабле и старых мастеров! Эти люди имеют перед тобой то преимущество, что, шлифуя французский язык, они в конце концов сотрут его окончательно.

Ухалус Посовиномус

Книга первая

1

Во Фландрии, в Дамме, когда май уже распускал лепестки на кустах боярышника, у Клааса родился сын Уленшпигель.

Повитуха Катлина завернула его в теплые пеленки и, осмотрев головку, показала на кожицу.

– В сорочке родился, под счастливой звездой! – весело сказала она. Но тут же заохала, заметив на плече ребенка черное пятнышко. – Ай-ай-ай! – запричитала она. – Эта черная отметина – след чертова когтя.

– Стало быть, господин сатана нынче поднялся спозаранок, коли уже успел поставить на моем сыне метку, – молвил Клаас.

– Да он и не ложился, – подхватила Катлина, – певец зари только-только еще будит кур.

С этими словами, передав младенца с рук на руки Клаасу, она удалилась.

Вслед за тем сквозь ночные облака пробилась заря, ласточки, щебеча, залетали низко-низко над лугом, и наконец на востоке солнце явило в море багрянца свой ослепительный лик.

Клаас растворил окно и сказал Уленшпигелю:

– Мой в сорочке родившийся сын! Вот его светлость солнце приветствует Фландрскую землю. Как прозреешь – погляди на него, а когда-нибудь потом, если тебя вдруг одолеют сомнения и ты не будешь знать, как поступить, спроси у него совета. Оно ясное и горячее. Будь же настолько чист сердцем, насколько ясно солнце, и настолько добр, насколько оно горячо.

– Клаас, муженек, ведь ты поучаешь глухого, – заметила Сооткин. – На-ка, попей, сынок.

С этими словами мать подставила новорожденному свои прекрасные естественные сосуды.

2

Пока Уленшпигель сосал ее грудь, в поле проснулись все пташки.

Клаас вязал хворост, а сам поглядывал, как его благоверная кормит Уленшпигеля.

– Жена, – сказал он наконец, – а что, молочка у тебя довольно?

– Кувшины полны, – отвечала она, – да вот радость-то моя не полна.

– Такой счастливый день, а ты пригорюнилась.

– Я вот о чем думаю: в кошеле у нас – вон он висит на стене – монетки какой завалящей и той нет.

Клаас снял кошель, но как он его ни встряхивал, звона, услаждающего слух, в ответ так и не раздалось. Это озадачило Клааса. Но он все же счел своим долгом успокоить благоверную.

– Не тужи! – сказал он. – В ларе у нас лепешки, – вчера Катлина принесла, – так? Вон я вижу здоровенный кусок мяса – тут ребенку дня на три молочка хватит, – правда? В углу притулился мешок с бобами, он нам с голоду помереть не даст, – верно? А горшок с маслом померещился мне, что ли? А на чердаке у нас яблоки румяные в полном боевом порядке выложены десятками – ведь не во сне же я их видел? А бочонок брюггского kuyte[10 - Сорт пива (флам.).] – разве этот толстяк, у которого в брюхе живительная влага, не сулит нам гульбы?

– Да ведь надо будет два патара священнику отдать да флорин[11 - Патар – мелкая монета; флорин – крупная золотая монета.] в церковь – за крестины, – сказала Сооткин.

Тут с большущей охапкой травы вошла Катлина и сказала:

– Для младенчика в сорочке я принесла дягиля – он хранит человека от распутства – и укропа – укроп сатану отгоняет…

– А травы, что привораживает флорины, ты не принесла? – спросил Клаас.

– Нет, – отвечала та.

– Ну так я пойду погляжу, нет ли ее в канале.

Клаас взял удочку, сеть и вышел из дому в полной уверенности, что никого по дороге не встретит: ведь до oosterzon’a[12 - Буквально: солнце на востоке (флам.).] – так во Фландрии называется шестой час утра – оставался еще целый час.

3

Клаас подошел к Брюггскому каналу, неподалеку от моря. Наживив удочку, он забросил ее в воду и закинул сеть. На том берегу нарядный мальчуган спал как убитый на холмике из ракушек.

Клаас нечаянно разбудил мальчугана, и тот, вообразив, что это стражник, что он сейчас поднимет его с ложа и как бродягу отведет в steen[13 - Буквально: камень, каменное строение; здесь: тюрьма (флам.).], чуть было не задал стрекача.

Однако, узнав Клааса, мальчик быстро успокоился, а Клаас крикнул ему:

– Хочешь заработать шесть лиаров[14 - Лиар – мелкая монета.]? Гони рыбу ко мне.

Мальчуган, уже довольно пузатенький, вошел в воду и, вооружившись стеблем камыша с пышной метелкой, стал гнать рыбу по направлению к Клаасу.

Наловив рыбы, Клаас взял удочку и сеть и перешел через шлюз к мальчугану.

– Ведь это тебе дали при крещении имя Ламме и прозвали Гудзаком[15 - Гудзак (Goedzac) – по-фламандски означает «мешок доброты». Имя Ламме (Lamme) – по-фламандски – «ягненок».] за твое добродушие, а живешь ты на Цапельной улице за собором Богоматери? – спросил он. – Как же это ты, такой маленький и такой нарядный мальчик, спишь под открытым небом?

– Ах, господин угольщик! – отвечал мальчуган. – Дома у меня сестра; она моложе меня на год, но когда мы с ней ссоримся, она меня лупит по чему ни попало. Отыграться на ее спине я, сударь, боюсь – как бы не сделать ей больно. Вчера вечером мне очень хотелось есть, за ужином я стал подчищать пальцами блюдо, на котором было подано тушеное мясо с бобами, и, глядя на меня, она тоже к нему потянулась. А там мне и одному-то было мало, сударь. Как увидела она, что я облизываюсь, – уж больно вкусная была подливка, – ну прямо взбесилась: таких мне увесистых оплеух надавала, что я, еле живой, бросился вон из дома.

Клаас осведомился, что же делали отец и мать в то время, как сестра хлестала его по щекам.

На это Ламме ответил так:

– Отец похлопал меня по одному плечу, мать по другому, и оба сказали: «Дай ей сдачи, трусишка!» А я не хотел бить маленькую девочку и убежал.

Внезапно он побледнел и задрожал всем телом.

И тут Клаас увидел, что к ним приближается высокая женщина, а с ней худая девочка, и лицо у этой девочки злое.

– Ай! – крикнул Ламме и уцепился за штаны Клааса. – Это мать и сестра меня ищут. Заступитесь за меня, господин угольщик!

– Вот что, – сказал Клаас, – возьми сперва семь лиаров за работу, а теперь смело пойдем к ним навстречу.

Увидев Ламме, мать и сестра бросились на него с кулаками: мать – от беспокойства, сестра – по привычке.

Ламме спрятался за Клааса и крикнул:

– Я заработал семь лиаров, я заработал семь лиаров, не бейте меня!

Но мать уже обнимала его, а девчонка пыталась разжать ему кулак и отнять деньги.

Ламме кричал:

– Мои деньги, не дам!

И еще крепче сжимал кулак.

Клаас за уши оттащил от него девчонку и сказал ей:

– Брат у тебя добрый и кроткий, как ягненок, и если ты еще когда-нибудь на него налетишь, я тебе уши драть не стану, а упрячу в черную угольную яму; за тобой туда придет красный черт из пекла и своими когтищами и зубами, длинными, как рогатки, раздерет тебя на мелкие кусочки.

Девчонка не смела поднять глаза на Клааса, не смела подойти к брату – она схоронилась за материнскую юбку. Но в городе она сейчас же подняла крик:

– Угольщик меня побил! У него в погребе черт!

Однако больше она уже не била брата – она только заставляла его все за нее делать. Безответный простачок охотно ей повиновался.

А Клаас отнес рыбу в ту усадьбу, где у него всегда ее покупали. Дома он сказал Сооткин:

– Вот что я нашел в брюхе у четырех щук, у девяти карпов и в полной корзине угрей.

С этими словами он бросил на стол два флорина и патар.

– Почему же ты каждый день не ходишь на рыбную ловлю, муженек? – спросила Сооткин.

– А чтобы самому не попасться в сеть к стражникам, – отвечал Клаас.

В Дамме отца Уленшпигеля Клааса все звали kooldraeger’ом, то есть угольщиком. Волосы у него были черные, глаза – блестящие, кожа – под цвет его товара, за исключением воскресных и праздничных дней, когда мыла у него в лачуге полагалось не жалеть. Это был приземистый, плечистый здоровяк с веселыми глазами.

Когда, на склоне дня и с наступлением вечера, он отправлялся по Брюггской дороге в таверну промыть пивцом свою черную от угольной пыли глотку, женщины, на порогах домов дышавшие свежим воздухом, приветствовали его:

– Добрый вечер, угольщик! Светлого тебе пива!

– Добрый вечер! Неутомимого вам супруга! – отзывался Клаас.

Девушки, гурьбой возвращавшиеся с поля, загораживали ему дорогу и говорили:

– Что дашь за пропуск? Алую ленту, золотые сережки, бархатные сапожки или флорины в копилку?

Клаас обнимал какую-нибудь из них, целовал – иногда в свежую щечку, иногда в шейку, в зависимости от того, что было ближе к его губам, – а потом говорил:

– Остальное, душеньки, дополучите со своих возлюбленных.

И девушки с хохотом убегали.

Дети узнавали Клааса по его громкому голосу и топоту сапог. Они бросались к нему с криком:

– Добрый вечер, угольщик!

– Храни вас Господь, ангелочки! – говорил Клаас. – Только не подходите ко мне близко, иначе я вас в арапчат превращу.

Но малыши – народ смелый: они все-таки подходили; тогда Клаас хватал одного из них за курточку и проводил своей черной пятерней по его румяной мордашке, а затем, к великой радости остальных, отпускал и сам при этом заливался хохотом.

Сооткин, супружница Клааса, была женщина хорошая: вставала вместе с солнышком и трудилась, как муравей.

Свой участок они обрабатывали вдвоем с Клаасом, оба впрягались в плуг, точно волы. Нелегко им было тащить плуг, но еще тяжелее – борону, когда деревянные зубья этого земледельческого орудия разрыхляли сухую землю. И все же работали они весело, с песней на устах.

И как ни суха была земля, как ни жгло их палящими лучами солнце, как ни выбивались они из сил, таща борону, и как ни подгибались у них колени, а во время роздыха Сооткин подставляла Клаасу милое свое лицо, Клаас целовал это зеркало ее нежной души, и оба они забывали о своей страшной усталости.

5

Накануне у дверей ратуши возглашали, что государыня, супруга императора Карла, на сносях, а потому все должны молиться, чтобы она благополучно разрешилась от бремени.

К Клаасу, вся дрожа, вбежала Катлина.

– Что с тобой, соседка? – спросил он.

– Ох! – простонала Катлина и прерывающимся от волнения голосом заговорила: – Нынче ночью привидения косили людей, точно косари траву… Девушек заживо в землю закапывали! На их трупах палач плясал… Камень девять месяцев кровоточил, а нынче ночью распался.

– С нами крестная сила, с нами крестная сила! – запричитала Сооткин. – Недоброе сулят Фландрии этакие страсти!

– Во сне ты все это видела или наяву? – спросил Клаас.

– Наяву, – отвечала Катлина.

Бледная как смерть, она продолжала, рыдая:

– Два младенца народилось: один – в Испании, инфант Филипп, а другой – во Фландрии, сын Клааса, ему потом дадут прозвище Уленшпигель. Филипп станет палачом, потому он – отродье Карла Пятого, а Карл Пятый – нашего отчего края губитель. Из Уленшпигеля выйдет великий балагур и великий проказник, но сердце у него будет доброе, потому как он сын Клааса, а Клаас, труженик славный и исправный, честным, добросовестным, праведным трудом добывает хлеб свой. Император Карл и король Филипп промчатся по жизни, всем досаждая войнами, поборами и прочими злодеяниями. Клаас – тот рук не покладает, права-законы соблюдает, трудится хоть и до поту, да без ропоту, никогда не унывает, песни распевает – того ради он послужит примером честного фламандского труженика. Вечно юный Уленшпигель никогда не умрет, по всему свету пройдет, ни в одном месте прочно не осев. Кем-кем он только не будет: и крестьянином, и дворянином, и ваятелем, и живописцем! И странствовать ему по белу свету, славя все доброе и прекрасное, а над глупостью хохоча до упаду. Доблестный народ фламандский! Клаас – это твое мужество; Сооткин – это твоя стойкая мать; Уленшпигель – это твой дух; славная, милая девочка, спутница Уленшпигеля, бессмертная, как и он, – это твое сердце, а толстопузый простак Ламме Гудзак – это твоя утроба. Наверху – душители народа, внизу – жертвы; наверху – разбойники-шершни, внизу – трудолюбивые пчелы, а в небе будут кровоточить язвы Христовы.

И, сказавши это, добрая ведунья Катлина уснула.

6

Уленшпигеля понесли крестить. Вдруг хлынул ливень и вымочил его до костей. Так Уленшпигель был окрещен в первый раз.

Когда его внесли в церковь, пономарь, он же schoolmeester, то есть школьный учитель, сказал куму с кумою и отцу с матерью, чтобы они стали вокруг купели, что те и сделали.

Но в своде над купелью каменщик пробил дыру, чтобы к звезде из позолоченного дерева привесить лампаду. Увидев сверху кума с кумой, чинно стоявших возле еще прикрытой купели, злодей-каменщик вылил на крышку ведро воды и всех обрызгал. Особенно лихо окатил он Уленшпигеля. Так Уленшпигель был окрещен во второй раз.

Явился настоятель. Выслушав жалобу, он сказал, что ему некогда с ними разговаривать и что каменщик облил их нечаянно. Уленшпигель барахтался, оттого что был весь мокрый. Настоятель, окрестив его солью и водой, дал ему имя Тильберт, что значит «подвижный». Так Уленшпигель был окрещен в третий раз.

Выйдя из собора, они перешли площадь и двинулись по Долгой улице в «Бутылочные Четки» – трактир, эмблемой которого служила пивная кружка. Здесь они выпили семнадцать с лишним кружек dobbelkuyt’a[16 - Сорт крепкого пива (флам.).]. Если во Фландрии кто-нибудь хочет получше обсушиться, то разводит у себя в пузе пивной костер. Так Уленшпигель был окрещен в четвертый раз.

Выписывая по дороге домой вензеля, оттого что головы у них были тяжелее тела, они подошли к мостику через лужу. Ребенка несла кума Катлина – она оступилась и вместе с ним шлепнулась в грязь. Так Уленшпигель был окрещен в пятый раз.

Его вытащили из лужи, обмыли дома теплой водой, и то было его шестое крещение.

7

В тот же самый день его святейшее величество Карл решил по случаю рождения своего сына устроить пышные празднества. Подобно Клаасу, он тоже решил

половить рыбку – но не в канале, а в копилках и кошельках у своих подданных. Вот откуда государевы удочки вылавливают крузаты[17 - Крузат – старинная голландская монета.], серебряные daelder’ы[18 - Старинная голландская монета, полтора гульдена. – Здесь и далее примеч. пер.], червонцы, и все эти чудесные рыбки по прихоти рыбака превращаются в бархатные платья, в драгоценности, в тонкие вина, в изысканные блюда. Кстати сказать, самые рыбные реки – не самые многоводные.

Послушав своих советников, его святейшее величество установил такой порядок ловли:

Между девятью и десятью его высочество инфанта понесут крестить. Жители Вальядолида, дабы показать, как они счастливы, будут всю ночь на свой счет пировать и веселиться и швырять на Большой площади беднякам свои кровные денежки.

На пяти перекрестках пять больших фонтанов будут за счет города бить до рассвета мощной струею самого лучшего вина. На пяти других перекрестках будут развешаны на деревянных помостах колбаса сервелатная, колбаса ливерная, бычьи языки и всякая прочая снедь – также за счет города.

Вальядолидцы на свои средства воздвигнут по пути следования процессии множество триумфальных арок с эмблемами Мира, Благоденствия, Изобилия, Процветания, а равно и прочих небесных благ, коими ущедрен народ в царствование его святейшего величества.

Наконец, помимо этих мирных арок, будет сооружено еще несколько, на которых необычайно живо будут изображены менее безобидные атрибуты власти, как-то: орлы, львы, копья, алебарды, дротики с наконечниками в виде языков пламени, пищали, пушки, фальконеты, широкожерлые мортиры и прочие орудия, олицетворяющие военную силу и мощь его святейшего величества.

Гильдии свечников было предоставлено право бесплатно изготовить для освещения храма двадцать тысяч с лишним свечей, с тем чтобы огарки поступили в распоряжение капитула.[19 - Капитул – в католической церкви коллегия духовных лиц (каноников) кафедрального собора, составлявшая при епископе совет с административными и судебными полномочиями. Капитулами назывались также коллегии духовных лиц других крупных храмов.]

Что касается прочих расходов, то император, движимый благим желанием не переобременять верных своих подданных, охотно брал эти расходы на себя.

Община уже начала приводить королевский приказ в исполнение, как вдруг из Рима пришли печальные вести. Императорские военачальники[20 - Императорские военачальники… ворвались в святой град… – В мае 1527 г. Рим был взят и разграблен войсками Карла V, которого сложная династическая и военная борьба привела к столкновению с папой Климентом VII, поддерживавшим французского короля Франциска I. Поход на Рим был предпринят во время перемирия с папой, по инициативе вышедших из повиновения солдат, но одобрен Карлом V. И Карл, и еще более фанатичный Филипп II не раз оказывались во враждебных отношениях с главой католической церкви.] – принц Оранский[21 - Принц Оранский – здесь не Вильгельм, один из героев романа Костера, а Филибер (1502–1530), полководец, перешедший от Франциска I к его врагу Карлу V, который одарил его владениями в Нидерландах. Участвовал во взятии Рима в 1527 г. и после гибели герцога Бурбонского был избран солдатами главнокомандующим. После смерти Филибера титул принца Оранского перешел к брату его жены Рене Нассау-Шалонскому, двоюродному брату Вильгельма.], герцог Алансонский[22 - Герцог Алансонский. – По-видимому, Костер по ошибке называет герцогом Алансонским герцога Бурбонского (1490–1527), бывшего главнокомандующим у Франциска I и переметнувшегося к Карлу V. Он в 1525 г. разбил французов при Павии, в 1527 г. возглавил императорское войско, шедшее на Рим, и был убит при штурме города.] и Фрундсберг[23 - Фрундсберг, Георг фон (1473–1528) – немецкий полководец. В 1527 г. стоял во главе одиннадцатитысячной армии, полученной Карлом V от немецких протестантов, с которыми император временно примирился, рассчитывая на их помощь в войне с папой. Фрундсберг со своей армией принял участие в военных действиях на территории Италии.] – ворвались в святой град и, не щадя ни священников, ни монахов, ни женщин, ни детей, разорили и опустошили церкви, часовни, дома. Святейшего владыку заточили[24 - Святейшего владыку заточили. – После вторжения войск Карла V в Рим папа Климент VII еще около месяца сопротивлялся, запершись в своей крепости – замке Святого Ангела, но был вынужден капитулировать. Карл не торопился выручать папу, и он до осени оставался пленником в руках солдат. Это не помешало папе вскоре примириться с Карлом и в 1530 г. самому короновать его императорской короной.]. Грабеж длился уже целую неделю. Обожравшиеся, упившиеся рейтары и ландскнехты[25 - Рейтары – наемная кавалерия, появившаяся в XVI в. на смену конным рыцарям, сражавшимся в одиночку. Ландскнехты – немецкие наемные войска (пехота), в XVI в. служившие и за пределами Германии.], бряцая оружием, шатались по городу, искали кардиналов

и кричали, что они им лишнее отрежут и тогда уж, дескать, папой никому из них не бывать[26 - …и тогда… папой никому из них не бывать. – Скопец не мог быть избран папой.]. Те, кто привел угрозу свою в исполнение, с важным видом расхаживали по городу, и на шее у них висели четки по двадцать восемь, а то и более бусинок, каждая величиной с орех, и все до одной в крови. Иные улицы превратились в потоки крови, запруженные дочиста обобранными мертвыми телами.

Поговаривали, что император, нуждаясь в деньгах, вознамерился половить их в крови духовенства, и точно: по договору, заключенному его полководцами со святейшим узником, он отнял у него все крепости и заставил уплатить четыреста тысяч дукатов; впредь же до выполнения всех условий договора его святейшеству надлежало пребывать в заключении.

Со всем тем его величество тяжко скорбел и по сему обстоятельству отменил все торжества[27 - …отменил все торжества… – Взятие Рима солдатами Карла, среди которых (особенно среди немецких наемников) было много протестантов, и разгром города, сопровождавшийся грабежом церквей и другими кощунствами, произвели тяжелое впечатление в Испании. Чтобы как-то сгладить его и выразить свое сожаление, Карл отменил празднества по случаю рождения сына. Однако он не спешил урегулировать отношения с захваченным в плен папой и ничего не сделал, чтобы прекратить бесчинства и насилие своих солдат.], празднества, увеселения и приказал вельможам своим и придворным дамам облечься в траур.

И наследного принца понесли крестить в белых пеленках, что есть знак королевского траура.

Вельможи и придворные дамы решили, что это не к добру.

Все же госпожа кормилица почла за должное показать инфанта вельможам и придворным дамам, дабы они высказали ему свои пожелания и сделали подарки.

Сеньора де ла Сена повесила ему на шею предохраняющий от яда черный камень, по форме и величине напоминавший орех в золотой скорлупке. Госпожа де Шоффад повязала ему на животик шелковинку, а к ней подвесила лесной орех, что содействует пищеварению. Господин ван дер Стин из Фландрии преподнес ему гентскую колбасу в пять локтей длиной и в пол-локтя толщиной,

всеподданнейше пожелав его высочеству, чтобы один запах этой колбасы возбуждал в нем охоту к гентскому clauwaerl’y[28 - Сорт пива (флам.).]: кто, дескать, любит пиво какого-либо города, тот не может питать неприязнь к тамошним пивоварам. Господин конюший, Хайме Кристобаль Кастильский, подарил его высочеству два кусочка зеленой яшмы и высказал пожелание, чтобы тот носил их на своих прелестных ножках, – от этого, мол, он будет быстрее бегать. При сем присутствовавший шут Ян де Папе сказал:

– Вы бы лучше, сударь, подарили ему трубу Иисуса Навина[29 - Труба Иисуса Навина. – Согласно Библии, стены города Иерихона, осажденного Иисусом Навином, рухнули от звука труб.], чтобы при одном ее звуке от него без оглядки бежали целые города со всеми своими обитателями – мужчинами, женщинами и детьми – и располагались на новом месте. Его высочеству не для чего учиться бегать – ему надо уметь обращать в бегство других.

Неутешная вдова Флориса ван Борселе, который был губернатором Веере в Зеландии, подарила наследнику Филиппу камешек, от которого, как она выразилась, мужчины влюбляются, а женщины сохнут.

Но младенец ревел, как теленок.

Тем временем Клаас вложил в ручки сыну сплетенную из ивовых прутьев погремушку с бубенчиками и стал подкидывать его на ладони, приговаривая:

– Дилинь-дилинь, бубенчики! Носи их на колпачке, человечек! Шутам всегда хорошо живется.

И Уленшпигель смеялся.

8

Клаас поймал большого лосося, и в воскресенье Клаас, Сооткин, Катлина и маленький Уленшпигель его съели, но только Катлина ела как птичка.

– Кума, – сказал ей Клаас, – разве воздух Фландрии стал до того густ, что тебе достаточно им подышать – и ты уже сыта, точно мяса наелась? Вот бы всем так! Дождь заменял бы похлебку, град – бобы, снег превратился бы в дивное жаркое, и усталые путники замаривали бы им червячка.

Катлина кивнула головой, но в ответ не проронила ни слова.

– Ах ты, бедная кума! – сказал Клаас. – Что ты так закручинилась?

Тут Катлина заговорила, но голос ее звучал глухо.

– Лукавый! – сказала она. – Темная ложится ночь… Чую: он близко… клекочет орлом… Вся дрожа, молюсь Пречистой Деве – напрасно… Нет для него ни стен, ни оград, ни окон, ни дверей. Всюду проникает, как дух… Я сплю на чердаке… Вот заскрипела лестница, вот он уже подле меня. Обхватил крепкими холодными, как мрамор, руками… Льдяный лик, поцелуи влажные, как снег… Пол колышется, словно челн в бурном море.

– Ходи каждый день в церковь, – молвил Клаас, – и Господь наш Иисус Христос отгонит от тебя духа из преисподней.

– А до чего ж он красив! – сказала Катлина.

9

Уленшпигеля отняли от груди, и он рос, как тополек.

Клаас уже не так часто целовал сына – чтоб не избаловать малыша, он, любя его, напускал на себя строгость.

Если Уленшпигель, придя домой, жаловался, что его избили, Клаас давал ему еще колотушку за то, что он не отколотил других, и при таком воспитании Уленшпигель стал настоящим львенком.

Если отца не было дома, Уленшпигель просил у матери лиар на игру.

– Что еще за игры? – ворчала Сооткин. – Сиди дома да вяжи вязанки.

Видя, что дело его не выгорело, Уленшпигель поднимал крик на весь дом, но Сооткин, притворяясь, что ничего не слышит, продолжала перемывать в лохани горшки и миски и отчаянно ими гремела. Уленшпигель – в слезы; тогда нежная мамаша, сбросив личину строгости, подходила к нему, гладила по головке и спрашивала:

– Хватит с тебя денье?

Надобно вам знать, что в денье целых шесть лиаров.

Мать боготворила Уленшпигеля, и когда Клааса не было дома, он делал что хотел.

10

Однажды утром Сооткин обратила внимание, что Клаас задумчиво и понуро ходит из угла в угол по кухне.

– Что, муженек, голову повесил? – спросила она. – Ты бледен, угрюм и рассеян.

Клаас зарычал, как собака:

– Собираются восстановить свирепые королевские указы[30 - Собираются восстановить свирепые королевские указы. – Начиная с 1521 г. Карл V начал издавать указы против еретиков. Здесь излагается так называемый Кровавый указ 1550 г. (издан несколько позже того времени, о котором идет речь).]. Снова смерть пойдет гулять по Фландрской земле. Доносчики станут получать половину имущества своих жертв в том случае, если его стоимость не превышает ста флоринов.

– Мы с тобой люди бедные, – заметила Сооткин.

– Для наушников недостаточно бедные, – возразил Клаас. – Злые коршуны и вороны, что питаются мертвечиной, и на нас с тобой донесут: они и корзиной угля не побрезгуют и разделят его с государем не менее охотно, чем мешок с флоринами. Какое такое богатство было у несчастной Таннекен, вдовы портного Сиса, которую в Хейсте живьем закопали в землю? Латинская Библия, три золотых да кое-какая утварь из английского олова, на которую позарилась ее соседка. Иоанну Мартене сожгли как ведьму, но только сперва бросили в воду, а она не тонула, ну, значит – колдунья. У нее была ветхая рухлядишка да семь золотых – доносчик польстился на половину. Э-эх! Всего не перескажешь. Словом, женушка, давай-ка загодя отсюда подобру-поздорову – после этих указов совсем житья во Фландрии не станет. Скоро каждую ночь будет ездить в колеснице по городу смерть, и мы услышим сухой стук ее костей.

– Не пугай меня, муженек, – молвила Сооткин. – Император – отец Фландрии и Брабанта, а отец долготерпелив, кроток, снисходителен и милосерд.

– Он бы на этом много потерял, – заметил Клаас, – ведь отобранное имущество отходит к нему.

Тут внезапно затрубила труба, загремели литавры глашатая. Клаас и Сооткин, поминутно передавая друг другу Уленшпигеля, побежали вслед за толпой.

Перед ратушей конные глашатаи трубили в трубы и били в литавры, тут же находился профос[31 - Профос – полицейский чин.] с жезлом, а прокурор, верхом на коне, держал обеими руками указ императора и собирался прочитать его народу.

Клаас услыхал, что отныне всем и каждому возбраняется печатать, читать, хранить и распространять писания, книги и учения Мартина Лютера, Иоанна Виклифа, Яна Гуса, Марсилия Падуанского, Эколампадия, Ульриха Цвингли, Филиппа Меланхтона, Франциска Ламберта, Иоанна Померана, Отто Брунсельсия, Юста Ионаса, Иоанна Пупериса и Горциана, а равно и Новый Завет, изданный Адрианом де Бергесом, Христофом да Ремонда и Иоанном Целем[32 - …учения Мартина Лютера… и т. д. – Здесь перечислены имена некоторых предшественников и деятелей реформации – широкого общественного движения, направленного против католической церкви: против ее догматов (о

верховной власти папы, об исключительной роли церкви в спасении души человека и др.), ее обрядов, против культа святых и почитания икон, наконец, против папства как политической силы. Наибольшее распространение реформационные учения получили в конце Средневековья, в пору расцвета городской жизни и культуры Возрождения. Все реформационные учения жестоко преследовались папством и католическими монархиями. Отколовшиеся от католицизма в результате реформации церковные направления получили впоследствии общее название – протестантизм. Упомянутые в тексте реформаторы – частью современники Карла V, как, например, немцы Мартин Лютер (1483–1546) и Филипп Меланхтон (1497–1560), швейцарец Ульрих Цвингли (1484–1531), частью писатели и мыслители предшествующих веков, как итальянец Марсилий Падуанский (ок. 1275 – ок. 1343 гг.), англичанин Джон Уиклиф (здесь: Иоанн Виклиф) (ок. 1320–1384 гг.), чешский национальный герой Ян Гус (1371–1415).], каковые издания полны Лютеровой и прочих ересей, за что богословский факультет Лувенского университета[33 - Лувенский университет. – Университет в г. Лувене (Брабант) с середины XVI в. становится оплотом католицизма.] осудил их и запретил.

«Равным образом возбраняется кощунственно писать и изображать или же заказывать кощунственные картины и изваяния Господа Бога, приснoблаженной Девы Марии и святых угодников, равно как разбивать, рвать или же стирать картины и изваяния, напоминающие нам о Боге, о Деве Марии и о тех, кого церковь причислила к лику святых, служащие к их возвеличению и прославлению».

«Кроме того, – говорилось в указе, – всем подданным, независимо от их звания, возбраняется рассуждать и спорить о Священном Писании[34 - …рассуждать и спорить о Священном Писании… – Сторонники церковных реформ в полемике с папистами издавна опирались на толкование библейских текстов, показывая несоответствие католического учения Писанию. Ортодоксальные католики не могли ответить на эту критику ничем, кроме запрета простым верующим читать и толковать Библию.], а равно и толковать в нем неясные места, – всем, за исключением признанных богословов, получивших на то соизволение от какого-либо знаменитого университета».

Находившихся на подозрении его святейшее величество навсегда лишал права заниматься честным трудом. Лица же, вновь впавшие в ересь или же закосневшие в таковой, подлежали сожжению, а какому именно: на медленном или на быстром огне, на костре из соломы или у столба – это уже оставлялось на

усмотрение судьи. За прочие преступления мужчины, если они дворяне или почетные граждане, подлежали мечному сечению, крестьяне – повешению, а для женщин предусматривалось закапывание в землю живьем. Головы казненных в назидание надлежало выставлять на шестах. Их достояние в том случае, если оно находилось в землях, подвластных императору, отчуждалось в его пользу.

Доносчикам его святейшее величество выделял половину всего принадлежавшего казненным в том случае, если ценность их имущества не превышала ста фландрских червонцев. Свою часть император намеревался употребить на добрые дела, – так же точно он поступил, разграбив Рим.

Клаас вместе с Сооткин и Уленшпигелем понуро побрел домой.

11

Год выдался для Клааса удачный, и он, купив за семь флоринов осла и девять мерок гороху, взобрался на свое верховое животное. Уленшпигеля он посадил сзади. Это был их торжественный выезд в гости к дяде Уленшпигеля, старшему брату Клааса, Иосту, проживавшему недалеко от Мейборга, в немецкой земле.

Смолоду Иост был простодушен и добросердечен, но потом ему довелось претерпеть столько разных несправедливостей, что он озлобился. Он сделался желчным, возненавидел людей и зажил бобылем.

Ему доставляло удовольствие стравливать двух так называемых верных друзей. Кто выходил победителем, изрядно намяв бока другому, тот получал в награду от Иоста три патара.

Еще он любил собирать у себя в жарко натопленной комнате тьму-тьмущую самых старых и самых ехидных кумушек, потчевать их гренками и сладким вином.

Тех, кому пошло на седьмой десяток, он усаживал в уголке за вязанье и советовал отпустить себе ногти подлиннее. И потом он с наслаждением слушал, как эти старые совы, держа вязальные спицы под мышкой, урча, причмокивая,

хихикая, откашливаясь и отхаркиваясь, треплют имя своего ближнего.

Когда они уж очень расходились, Иост бросал в огонь щетку, и комната мгновенно наполнялась смрадом.

Кумушки поднимали крик; каждая корила другую, что это она испортила воздух, за собой же вины не признавала, а немного спустя все они вцеплялись друг дружке в волосы, и тут Иост еще подбрасывал в печку щеток и посыпал щетиною пол. Когда в комнате ничего уже нельзя было разобрать из-за побоища великого, из-за дыма, валившего густо, из-за пыли, стоявшей столбом, Иост звал двух переодетых стражниками работников, и те хворостиной гнали старух из комнаты, точно стадо злых гусей.

Тем временем Иост, осматривая поле битвы, обнаруживал клочья юбок, чулок, сорочек и старушечьи зубы.

«Потерянный вечер! Никому не вырвали в драке язык», – говорил он себе в глубокой печали.

12

В Мейборгской округе путь Клааса лежал через рощицу. Осел на ходу ухватывал головки репейника. Уленшпигель ловил бабочек шапкой, не слезая с ослика. Клаас угрызал ломоть хлеба, мечтая как следует спрыснуть его пивом в ближайшей таверне. Внезапно до его слуха долетел колокольный звон и слитный гул огромной толпы народа.

– Уж верно, это богомольцы, и, должно полагать, их тут сила, – заключил он. – Держись крепче, сынок, а то как раз шлепнешься. Поглядим, что там такое. А ну, серый, шевелись!

И серый припустился.

Миновав лесок, Клаас очутился на плато, западный склон которого спускался к реке. На восточном склоне маячила часовенка; ее кровля была увенчана

изображением Божьей Матери, а у ног Богородицы виднелись два вытесанных из камня бычка. На лестнице стоял и, посмеиваясь, ударял в колокол отшельник, окруженный полсотней прислужников с зажженными свечами, звонарями, барабанщиками, трубачами, дудочниками, свирельщиками, волынщиками и множеством разудалых парней, в руках у которых были жестяные коробки с железками, и все эти люди до времени хранили молчание.

По дороге сомкнутым строем, по семи человек в каждом ряду, все в шлемах, шли, опираясь на неоструганные посохи, пять с лишним тысяч богомольцев. К ним с великим шумом подстраивались новые толпы, появлявшиеся откуда-то со стороны, тоже в шлемах и с посохами. Ряд за рядом проходя мимо часовни, они подставляли под благословение свои посохи, брали у прислужников каждый по свече и уплачивали за это полфлорина отшельнику.

Шествие это так растянулось, что у передних свечи уже догорали, меж тем как у задних только-только еще разгорались.

Перед изумленным взором Клааса, Уленшпигеля и осла мелькало великое множество самых разнообразных животов – широких, высоких, продолговатых, остроконечных, горделивых, подтянутых или же дряблых, свисавших на естественные свои подпорки. И на всех богомольцах высились шлемы.

Тут были шлемы троянские, похожие на фригийские колпаки[35 - Фригийский колпак – высокий красный колпак, загнутый вперед; головной убор древних фригийцев (Малая Азия).] или же увенчанные султанами из рыжего конского волоса. На некоторых красовались шлемы с распростертыми крыльями, хотя, глядя на этих мордастых пузанов, трудно было представить себе их парящими в воздухе. На иных торчали шишом шишаки.

Большинство, однако, надело старые ржавые шлемы времен Гамбривиуса[36 - Гамбривиус (иначе Гамбринус) – легендарный король Фландрии и изобретатель пива. Имя Гамбринус производят от искаженного Johannes Primus – латинской формы имени герцога Иоанна I, покровителя брюссельской гильдии пивоваров в XIII в.] – этот король фландрский и король пивной жил за девятьсот лет до Рождества Христова и на случай попойки, чтобы не оказаться безоружным, всегда носил на голове кружку.

Внезапно заныли, забили, запели, загудели, задудели, зазвонили, загремели колокола, волынки, свирели, барабаны и железки.

Этот содом послужил богомольцам знаком, по которому они, семерка супротив семерки, давай смазывать друг друга свечками по лицу. Вследствие этого на всех напал великий чох. Потом загуляли посохи. А там – кто во что горазд: один лягается, другой бодается, третий пинается. Вон тот ринулся в бой на бараний манер – головой вперед, надвинув шлем по самые плечи, и сослепу наткнулся на семерку рассвирепевших богомольцев, а уж те за себя постояли.

Плаксы и трусы ревели от боли, но в то время как они все еще хныкали и жалобно взывали к Богу, на них с быстротой молнии налетели две дерущиеся семерки богомольцев, опрокинули несчастных плакс и безжалостно по ним прошлись.

А отшельник смеялся.

Другие семерки, сплетясь, точно виноградные лозы, скатились по обрыву прямо в реку, но и там, не охладив ярости, все еще колошматили друг дружку.

А отшельник смеялся.

Те, что остались на плато, подставляли один другому синяки, вышибали зубы, задавали волосяного деру, рвали в клочья штаны и полукафтаны.

А отшельник смеялся и приговаривал:

– Так, так, ребятушки! Кто лихо бьет, тот крепко любит. На сильного бойца все красотки зарятся. Риндбибельская Божья Матерь, вот это, я понимаю, мужчины!

А богомольцы рады стараться.

Тем временем Клаас приблизился к отшельнику, Уленшпигель же, крича и хохоча, рукоплескал дерущимся.

– Отец, – молвил Клаас, – что эти бедняги такого натворили? Кто их неволит избивать друг дружку до полусмерти?

Но отшельник не слушал его и кричал:

– Эй вы, дармоеды, что приуныли? Устали кулаки – слава Тебе, Господи, у вас ноги есть. Они вам не на то даны, чтобы удирать как зайцы. Чем можно высечь из камня огонь? Ежели по камню ударить железом. Что лучше всего распаляет мужчину в летах? Ежели остервениться и надавать ему тумаков.

При этих словах добрые богомольцы сызнова пустили в ход шлемы, кулаки и пинки. В этой лютой битве сам стоглазый Аргус не различил бы ничего, кроме облака пыли да кончика шлема.

Внезапно отшельник зазвонил в колокол. Дудки, барабаны, трубы, волынки, свирели и железки разом стихли. Это был сигнал к миру.

Богомольцы подобрали раненых. У некоторых воинов распухшие от злости языки не помещались во рту. Но потом они все же сами вошли обратно в свои обиталища. Хуже всего пришлось тем, кто надвинул шлем чуть не по шею, – как они ни трясли головой, шлемы держались крепче, нежели зеленые сливы на ветке, и падать с головы не желали.

Наконец отшельник сказал богомольцам:

– Теперь пусть каждый пропоет «Богородицу», и можете идти к своим благоверным. Через девять месяцев в нашей округе будет столько же новорожденных, сколько в сегодняшнем сражении участвовало доблестных ратоборцев.

Тут отшельник запел «Богородицу», другие подхватили. А колокол все звонил, все звонил.

Отшельник призвал на них благословение Риндбибельской Божьей Матери и сказал:

– С миром изыди!

Богомольцы, горланя, распевая песни, наступая друг другу на пятки, двинулись в Мейборг. Жены, и старые и молодые, ждали их на порогах домов, и они

ворвались в свои собственные дома, будто лихие вояки в приступом взятый город.

Колокола в Мейборге звонили без устали. Мальчишки свистели, орали, играли на rommelpot’ax.[37 - Примитивный музыкальный инструмент, буквально: «гремящий горшок» (флам.).]

Кружки, кубки, чарки, стаканы, рюмки, полуштофы ласкали слух своим звеньканьем. Вино лилось в глотки потоками.

Трезвон все еще не смолкал, ветер все еще по временам доносил мужские, женские и детские поющие голоса, когда Клаас снова обратился к отшельнику и спросил, какие небесные блага надеются снискать эти добрые люди столь суровой епитимьей.

Отшельник засмеялся и сказал:

– Ты видишь на крыше двух каменных бычков? Стоят они там в память о чуде святого Мартина: святой Мартин превратил двух волов в двух быков и заставил их бодаться. Потом он час с лишним мазал им сальной свечкой и тер корой морды. Я как узнал про это чудо – сейчас купил за большие деньги у его святейшества грамоту и поселился здесь. С той поры все старые хрычи и пузаны из Мейборга и из окрестных сел уверовали, что при моем содействии Богородица взыщет их своею милостью, ежели они вместо миропомазания хорошенько отхлещут друг друга свечками, а потом отдубасят неоструганными палками, а неоструганная палка – это знак силы. Женщины посылают сюда своих старых мужей. Дети, зачатые после паломничества, рождаются неутомимыми, отважными, неуемными, прыткими, – вояки из них выходят отличные. Ты меня узнаешь? – неожиданно обратился он с вопросом к Клаасу.

– Да, – отвечал Клаас, – ты мой брат Иост.

– Он самый, – подтвердил отшельник. – А что это за малыш корчит мне рожи?

– Это твой племянник, – отвечал Клаас.

– Какая разница между мной и императором Карлом?

– Большая разница, – отвечал Клаас.

– Нет, небольшая, – возразил Иост. – Он для своей пользы и удовольствия заставляет людей убивать друг друга, я же для своей пользы и удовольствия заставляю их колотить друг друга, только и всего.

Затем он повел родичей в свое жилище, и там они пировали и веселились одиннадцать дней без передышки.

13

Простившись с братом, Клаас опять сел на своего осла, а Уленшпигеля посадил сзади. Когда они проезжали через главную площадь в Мейборге, он заметил, что собравшиеся там во множестве и стоявшие кучками богомольцы при виде их приходят в ярость и, размахивая посохами, восклицают: «У, негодник!» А все дело в том, что Уленшпигель, спустив штаны и задрав рубашонку, показывал им задний свой лик.

Видя, что богомольцы грозят его сыну, Клаас спросил его:

– За что это они на тебя сердятся?

– Я, батюшка, сижу себе на ослике да помалкиваю, а они ни с того ни с сего обзывают меня негодником, – отвечал Уленшпигель.

Клаас посадил его перед собой.

На новом месте Уленшпигель показал богомольцам язык – те завопили, замахали кулаками и, подняв свои неоструганные посохи, бросились бить Клааса и осла.

Но Клаас, дабы избежать расправы, вонзил пятки в бока ослу и, в то время как преследователи, пыхтя, мчались вдогонку, обратился к сыну:

– Видно, в недобрый час появился ты на свет. И то сказать: сидишь передо мной, никого не трогаешь, а они рады убить тебя на месте.

Уленшпигель смеялся.

Проезжая через Льеж[38 - Льеж – город в Южных Нидерландах, центр Льежского епископства, большой области, находившейся под властью епископа и формально автономной.], Клаас узнал, что бедные поречане умирали с голоду и что они подлежали юрисдикции официала[39 - Официал – должностное лицо при епископе, выполнявшее функции церковно-судебной власти.], то есть суда духовных особ. Они подняли восстание и потребовали хлеба и светского суда. По милости монсеньора де ла Марка[40 - Де ла Марк, Эбергард (Эврар) (ок. 1475–1538 гг.) – льежский епископ (с 1505 г.), кардинал (с 1520 г.). Деспотичный, воинственный и жестокий, свирепо преследовавший еретиков, он был ненавистен даже своему окружению.], сердобольного архиепископа, иных обезглавили, иных повесили, иных сослали в изгнание.

Клаасу попадались на дороге изгнанники, бежавшие из тихой льежской долины, а неподалеку от города он увидел на деревьях трупы людей, повешенных за то, что им хотелось есть. И он плакал над ними.

14

Клаас привез домой от брата Иоста полный мешок денег да красивую кружку английского олова, и теперь в его доме и в праздники и в будни пир шел горой, ибо мясо и бобы у него не переводились.

Клаас частенько наливал в большую оловянную кружку dobbelkuyt’a и осушал ее до капельки.

Уленшпигель ел за троих и копался в блюдах, как воробей в куче зерна.

– Того и гляди, солонку съест, – заметил однажды Клаас.

– Если солонки сделаны, как у нас, из хлебной корки, то время от времени их надо съедать, иначе в них черви заведутся, – отвечал Уленшпигель.

– Зачем ты вытираешь жирные руки о штаны? – спросила Сооткин.

– Чтобы штаны не промокали, – отвечал Уленшпигель.

Тут Клаас как следует хлебнул из кружки.

– Отчего это у тебя здоровенная кружища, а у меня махонький стаканчик? – спросил Уленшпигель.

– Оттого что я твой отец и набольший в доме, – отвечал Клаас.

– Ты пьешь уже сорок лет, а я всего только девять, – возразил Уленшпигель, – твое время прошло, мое начинается, значит, мне полагается кружка, а тебе стаканчик.

– Сынок, – сказал Клаас, – кто захочет влить в бочонок целую бочку, тот прольет пиво в канаву.

– А ты будь умней и лей свой бочонок в мою бочку – я ведь побольше твоей кружки, – отрезал Уленшпигель.

Клаас пришел в восторг и позволил ему выпить целую кружку. Так Уленшпигель научился балагурить за угощение.

15

Сооткин носила под поясом наглядное доказательство того, что ей скоро вновь предстоит сделаться матерью. Катлина тоже была беременна и от страха никуда не выходила из дому.

Сооткин пошла ее навестить.

– Ах! – воскликнула удрученная Катлина. – Что мне делать с несчастным плодом моего чрева? Придушить его, что ли? Нет, лучше умереть самой! Но ведь если стражники найдут у меня внебрачное дитя, они с меня, как с какой-нибудь гулящей девки, сдерут двадцать флоринов, да еще и высекут на Большом рынке.

Сооткин сказала ей несколько ласковых слов в утешение и задумчиво побрела домой.

Как-то раз она сказала Клаасу:

– Если у меня будет двойня, ты меня не побьешь, муженек?

– Не знаю, – отвечал Клаас.

– А если этого второго ребенка рожу не я и если он, как у Катлины, неизвестно от кого – может, от самого черта? – допытывалась Сооткин.

– От чертей бывает огонь, дым, смерть, но не дети, – возразил Клаас. – Катлинина ребенка я бы усыновил.

– Да ну? – удивилась Сооткин.

– Мое слово свято, – отвечал Клаас.

Сооткин понесла эту весть Катлине.

Катлина обрадовалась и, не помня себя от счастья, воскликнула:

– Ах он благодетель! Спас он меня, горемычную. Господь его благословит, и дьявол его благословит, – примолвила она с дрожью в голосе, – если только это дьявол породил бедного моего ребенка – вон он шевелится у меня под сердцем.

Сооткин родила мальчика, Катлина – девочку. Обоих понесли крестить как детей Клааса. Сын Сооткин был назван Гансом и скоро умер, дочь Катлины была названа Неле и выжила.

Напиток жизни она пила из четырех сосудов: из двух сосудов у Катлины и из двух сосудов у Сооткин. Обе женщины ласково пререкались, кому из них кормить ребенка. Но Катлина вскоре вынуждена была лишить себя этого удовольствия, чтобы не подумали, откуда же у нее молоко, раз она не рожала.

Когда ее дочку Неле отняли от груди, Катлина взяла ее к себе и пустила к Клаасам только после того, как девочка стала называть ее мамой.

Соседи одобряли Катлину за то, что она взяла на воспитание девочку Клаасов: она, мол, живет – горя не знает, а те никак из нужды не выбьются.

16

В одно прекрасное утро Уленшпигель сидел дома и от скуки мастерил из отцовского башмака кораблик. Он уже воткнул в подошву грот-мачту и продырявил носок, чтобы поставить там бушприт, как вдруг в дверях показалась верхняя часть тела всадника и голова коня.

– Есть кто дома? – спросил всадник.

– Есть, – отвечал Уленшпигель, – полтора человека и лошадиная голова.

– Это как же? – спросил всадник.

– А так же, – отвечал Уленшпигель. – Целый человек – это я, полчеловека – это ты, а лошадиная голова – это голова твоего коня.

– Где твои родители? – спросил путник.

– Отец делает так, чтоб было и шатко и валко, а мать старается осрамить нас или же ввести в убыток, – отвечал Уленшпигель.

– Говори яснее, – молвил всадник.

– Отец роет в поле глубокие ямы, чтобы туда свалились охотники, которые топчут наш посев, – продолжал Уленшпигель. – Мать пошла денег призанять. И вот если она вернет их не сполна, то это будет срам на нашу голову, а если отдаст с лихвой, то это будет нам убыток.

Тогда путник спросил, как ему проехать.

– Поезжай там, где гуси, – отвечал Уленшпигель.

Путник уехал, но когда Уленшпигель принялся из второго Клаасова башмака делать галеру, он возвратился.

– Ты меня обманул, – сказал он. – Там, где плещутся гуси, – грязь невылазная, трясина.

– А я тебя посылал не туда, где гуси плещутся, а туда, где они ходят, – возразил Уленшпигель.

– Одним словом, покажи мне дорогу, которая идет в Хейст, – молвил путник.

– У нас во Фландрии передвигаются люди, а не дороги, – возразил Уленшпигель.

17

Однажды Сооткин сказала Клаасу:

– Муженек, у меня душа не на месте: Тиль вот уже третий день домой не является. Как ты думаешь, где он?

На это ей Клаас с унылым видом ответил:

– Он там, где все бродячие собаки, то есть на большой дороге, с такими же, как и он, сорванцами. Наказание Господне, а не сын. Когда он родился, я подумал, что это будет нам отрада на старости лет, что это будет помощник в доме. Я

надеялся, что из него выйдет честный труженик, но по воле злой судьбы из него вышел бродяга и шалопай.

– Ты уж больно строг к своему сыну, муженек, – заметила Сооткин. – Ведь ему только девять лет – когда же и пошалить, как не в эту пору? Он – все равно что дерево: дерево сперва сбрасывает чешуйки, а потом уж обряжается в свою красу и гордость – в листья. Он озорник, это верно, но озорство со временем ему еще пригодится, если только он обратит его не на злые шутки, а на полезное дело. Он любит подтрунить над кем-нибудь, но со временем и это ему пригодится в какой-нибудь веселой компании. Он все хохочет, но если у человека с детства постное лицо, то это дурной знак: что же с ним будет потом? Он, говоришь, много бегает? Стало быть, того требует рост. Бездельничает? Ну так ведь в его возрасте еще не сознают, что труд есть долг. Иной раз несколько суток кряду шляется неизвестно где? Да ведь ему невдогад, что он нас этим огорчает, а сердце у него доброе, и он нас любит.

В ответ Клаас только головой покачал, а когда он уснул, Сооткин долго плакала втихомолку. Под утро привиделось ей, будто ее сын лежит больной где-то на дороге, и она вышла посмотреть, не идет ли он. Но никого не было видно. Тогда она стала смотреть в окно. Чуть заслышит легкие детские шаги – сердце так и забьется, а увидит бедная мать, что это не Уленшпигель, – и в слезы.

Уленшпигель же со своими дрянными товарищами был в это время в Брюгге, на субботнем базаре.

Кого-кого только на этой толкучке не встретишь! Башмачников в палатках, старьевщиков, антверпенских meesevanger’ов, по ночам ловящих с совою синиц, собачников, продавцов кошачьих шкурок, идущих на перчатки, манишки и камзолы, покупателей всякого разбора: горожан и горожанок, лакеев и служанок, хлебодаров, ключников, поваров и поварих, и все это выкрикивает, перекрикивает, хвалит и хает товар.

В одном углу была натянута на четыре шеста красивая парусиновая палатка. У входа стояли поселянин из Алоста и два монаха, собиравшие пожертвования; поселянин показывал благочестивому люду всего за один патар осколок плечевой кости св. Марии Египетской[41 - Мария Египетская – христианская святая. По преданию, в молодости была блудницей, а потом раскаялась.]. Хриплым голосом восхвалял он добродетели этой святой и в славословии своем не забывал упомянуть, как она за неимением денег, боясь погрешить против

Святого Духа, если откажет в вознаграждении за труд, уплатила некоему юному перевозчику натурой.

Оба монаха кивали головой в знак того, что все это сущая правда. Поодаль дебелая краснорожая бабища, блудливая, как Астарта[42 - Астарта – у древних финикиян богиня плодородия и любви; в позднейшие времена ее имя стало символом распутства.], дула что есть мочи в мерзкую волынку, а премиленькая девчурка пела-заливалась, будто пеночка, но ее никто не слушал. Над входом в палатку, подвешенная веревками за ушки к двум шестам, болталась бадья со святой водой из Рима – так по крайности уверяла бабища, а два монаха утвердительно качали головой. Уленшпигель поглядел на бадью и призадумался.

К одному из шестов, на коих держалась палатка, был привязан ослик, которого по всем признакам кормили не столько овсом, сколько соломой. Он тупо, без всякой надежды обнаружить головку репейника, уставил глаза в землю.

– Ребята! – воскликнул Уленшпигель, показав на бабищу, на монахов и на тоскующего осла. – Хозяева поют весело – пусть-ка и ослик попляшет.

С этими словами он сбегал в ближайшую лавочку, купил на шесть лиаров перцу и насыпал ослу под хвост.

Восчувствовав действие перца, осел попытался удостовериться, откуда это непривычное ощущение жара под хвостом. Решив, что его припекает черт, и вознамерившись спастись от него бегством, он заверещал, забил ногами и изо всех сил рванулся. При первом же сотрясении бадья опрокинулась, и вся святая вода вылилась на палатку и на тех, кто в ней находился. Вслед за тем сползла парусина и распростерла влажный покров надо всеми, кто слушал историю Марии Египетской. Из-под парусины до слуха Уленшпигеля и его приятелей доносились истошные вопли и стоны, барахтавшиеся под нею благочестивые слушатели перекорялись (ибо каждый считал виновником падения бадьи не себя, а своего товарища по несчастью) и в неописуемой злобе влепляли друг дружке изрядного тулумбаса. Под напором бойцов парусина надувалась. Как только перед взором Уленшпигеля отчетливо обрисовывалась чья-либо округлость, он незамедлительно втыкал в нее булавку. В ответ под парусиной поднимался яростный вой и усиленно работали кулаки.

Это было презабавно, однако дело пошло еще веселей, когда ослик дал тягу и увлек за собой парусину, бадью, шесты, а равно и вцепившихся в свое достояние владельца палатки, его супругу и дочку. Наконец утомленный ослик поднял морду и запел, причем в этом своем пении он делал перерывы только для того, чтобы оглянуться, скоро ли угаснет огонь, жгущий его под хвостом.

Благочестивые люди все еще бились, а монахи, не обращая на них ни малейшего внимания, подбирали деньги, упавшие с тарелок, Уленшпигель же не без пользы для себя благоговейно им помогал.

18

Меж тем как непутевый сын угольщика возрастал в веселии и озорстве, жалкий отпрыск великого императора прозябал в тоске и унынии. На глазах у дам и вельмож этот заморыш влачил по переходам и покоям Вальядолидского дворца свое тщедушное тело с непомерно большой головой, на которой топорщились белые волосы, и еле передвигал неустойчивые ноги.

Выискав переход потемнее, он садился, вытягивал ноги и так сидел часами. Если кто-нибудь из слуг нечаянно наступал ему на ногу, он приказывал высечь его и с наслаждением слушал, как тот кричит, но смеяться никогда не смеялся.

На другой день он устраивал ту же ловушку в каком-нибудь другом темном переходе – садился и вытягивал ноги. Дамы, вельможи и пажи, проходя или пробегая мимо, натыкались на него, падали и ушибались. Ему это доставляло удовольствие, но смеяться он никогда не смеялся.

Если кто-нибудь спотыкался, но не падал, инфант кричал, как будто его резали, и ему приятно было видеть на лице человека испуг, но смеяться он никогда не смеялся.

О поведении инфанта довели до сведения его святейшего величества, однако император приказал не обращать на него внимания: если-де он не хочет, чтобы ему наступали на ноги, так пусть не разваливается.

Филиппу это не понравилось, но он ничего не сказал, и теперь его можно было видеть лишь в ясные летние дни, когда он грел на солнышке свое зябкое тело.

Однажды, возвратившись из похода, Карл увидел, что Филипп, как водится, изнывает от скуки.

– Сын мой, – сказал он, – до чего же ты не похож на меня! В твои годы я лазал по деревьям и ловил белок, спускался по канату с отвесной скалы, чтобы достать из гнезда орлят. Я рисковал сложить там кости, но они стали только крепче от этой забавы. Когда я выходил с доброй моей аркебузой на охоту, дикие звери, завидев меня, прятались в лесной чаще.

– Ах, государь батюшка, у меня живот болит! – пожаловался инфант.

– Самое верное средство от этой хвори – паксаретское вино, – сказал Карл.

– Я не выношу вина – у меня, государь батюшка, голова болит.

– Тебе надо бегать, сын мой, – сказал Карл, – надо прыгать, скакать, как все твои сверстники.

– У меня, государь батюшка, ноги не гнутся.

– Как же они будут гнуться, если ты их не упражняешь, точно они у тебя деревянные? – возразил Карл. – Погоди ты у меня, я велю привязать тебя к быстрому коню!

Инфант расплакался.

– Не привязывайте меня, государь батюшка, у меня спина болит, – сказал он.

– Где же тебе не больно? – спросил Карл.

– Если меня оставить в покое, мне нигде не будет больно, – отвечал инфант.

– Что ж, по-твоему, – теряя терпение, продолжал император, – ты, престолонаследник, так и будешь всю жизнь думу думать, как какой-нибудь писец? Писцам, чтобы марать пергамент, потребны тишина, уединение, сосредоточенность. Тебе, отпрыску воинственного рода, нужны пылкая кровь, глаза рыси, хитрость лисы, сила Геркулеса. Чего ты крестишься? А, черт! Львенку не пристало обезьянничать баб-святош.

– К вечерне звонят, государь батюшка, – молвил инфант.

19

Май и июнь в этом году были в полном смысле слова месяцами цветов. Никогда еще во Фландрии так не благоухал боярышник, никогда еще в садах не было столько роз, столько жасмина и жимолости. Когда ветер дул из Англии и относил ароматы цветущей земли к востоку, все, в особенности антверпенцы, весело поднимали нос и говорили:

– Чувствуете, какой приятный ветерок потянул из Фландрии?

А проворные пчелы собирали с цветов мед, делали воск и клали яички в переполненные ульи. О, как дивно звучит музыка пчелиного труда под голубым лучезарным небом, обнимающим плодоносную землю!

Ульи спешно делались из тростника, соломы, ивовых прутьев, травы. Корзинщики, столяры, бочары притупили на этой работе свои инструменты. Корытники давно уже были нарасхват.

В каждом рое насчитывалось тридцать тысяч пчел и две тысячи семьсот трутней. Соты были до того хороши, что настоятель собора в Дамме послал императору Карлу одиннадцать рамок в знак благодарности за то, что тот вновь возвысил священную инквизицию. Мед съел Филипп, но впрок это ему не пошло.

Жулики, нищие, бродяги, полчище праздношатающихся тунеядцев, прогуливавших по большим дорогам свою лень и предпочитавших пойти на виселицу, нежели заняться делом, – все они, почуяв запах меда, явились за

своей долей. По ночам они толпами ходили вокруг да около.

Клаас тоже наготовил ульев и загонял в них рои. Некоторые были уже полны, другие пока еще пустовали. Клаас ночи напролет караулил сладостное свое достояние. Когда же он валился с ног от усталости, то поручал это Уленшпигелю. Тот охотно за это брался.

И вот однажды ночью Уленшпигель спрятался от холода в улей и, скорчившись, стал поглядывать в летки, каковых было всего два.

Уленшпигеля уже клонило ко сну, но тут вдруг затрещала живая изгородь, потом послышался один голос, другой – ну конечно, воры! Уленшпигель заглянул в леток и увидел двух мужчин, длинноволосых и бородатых, а ведь бороду тогда носили только дворяне.

Переходя от улья к улью, они наконец остановились подле того, где сидел Уленшпигель, и, подняв, сказали:

– Возьмем-ка этот – он потяжелей других.

Затем они просунули в него палки и потащили.

Уленшпигелю это катание в улье особого удовольствия не доставляло. Ночь была светлая. Воры первое время двигались молча. Через каждые пятьдесят шагов они останавливались, отдыхали, потом шли дальше. Шагавший впереди начал злобно ворчать на тяжесть ноши, шагавший сзади жалобно хныкал. Надобно знать, что на свете существует два сорта лодырей: одни клянут всякую работу, другие ноют, когда им приходится что-нибудь делать.

Уленшпигель с решимостью отчаяния схватил переднего за волосы, а заднего за бороду и давай трясти, пока наконец злюка, которому эта забава наскучила, не крикнул нюне:

– Оставь мои волосы, а то я так тресну тебя по башке, что она провалится в грудную клетку, и будешь ты смотреть на свет Божий через ребра, как вор через тюремную решетку.

– Да что ты, братец, – сказал нюня, – это ты дергаешь меня за бороду!

– У чесоточных я вшей не ищу, – отрезал злюка.

– Эй, сударь, – взмолился нюня, – не раскачивай ты так сильно улей – мои бедные руки не выдержат!

– Вот я тебе их сейчас оторву напрочь! – пригрозил злюка.

С этими словами он поставил улей наземь и бросился на своего товарища. И тут они вступили в бой, один – бранясь, другой – моля о пощаде.

Пока сыпался град тычков, Уленшпигель вылез из улья, оттащил его в ближний лес, запомнил место, где он его спрятал, и пошел домой.

Так пользуются хитрецы чужими сварами.

20

Уленшпигелю было пятнадцать лет, когда он соорудил однажды в Дамме маленькую палатку на четырех шестах и объявил, что каждый может здесь лицезреть в изящной соломенной раме свое собственное изображение – как настоящее, так равно и будущее.

Если к палатке подходил спесивый, распираемый тщеславием законник, Уленшпигель высовывался из рамы, придавал себе обличье старой обезьяны и говорил:

– Тебе, старая рожа, пора червей кормить, а не землю бременить. Ведь я же вылитый твой портрет, ученая твоя образина!

Если Уленшпигель имел дело с каким-нибудь лихим рубакой, то мгновенно прятался, вместо своего лица выставлял в раме большущее блюдо с мясом и хлебом и говорил:

– В бою из тебя похлебку сварят. Ну как тебе нравится мое предсказание, доблестный орел-стервятник?

Когда же к Уленшпигелю подходили старик, убеленный непочтенными сединами, и его молодая жена, Уленшпигель прятался, как в случае с солдафоном, а затем показывал в раме деревцо, на ветках которого висели роговые черенки ножей, роговые ларцы, роговые гребешки, роговые письменные приборы, и спрашивал:

– Из чего сделаны все эти штуковины, милостивый государь? Не из рогового ли дерева, что растет в садах у старых мужей? Пусть-ка теперь кто-нибудь посмеет сказать, что от рогоносцев нет никакой пользы для государства!

Тут Уленшпигель выставлял в раме рядом с деревцом свое молодое лицо.

Старикашка давился кашлем от злости, красотка гладила его по голове и, когда тот успокаивался, подходила, улыбаясь, к Уленшпигелю.

– А мое изображение покажешь? – спрашивала она.

– Подойди поближе, – подзывал ее Уленшпигель.

Как скоро она подходила, он набрасывался на нее с поцелуями.

– Тугая молодость, которая прячется за высокомерными гульфиками, – вот твое изображение, – говорил он.

После этого красотка отходила, вручив ему один, а то и целых два флорина.

Жирному, толстогубому монаху, которому тоже хотелось посмотреть на свое настоящее и будущее изображение, Уленшпигель говорил:

– Сейчас ты ларь для ветчины, а потом быть тебе винным погребом, ибо солененькое позывает на винопийство, – что, не правду я говорю, толстопузый? Дай патар за то, что я угадал.

– Сын мой, мы не носим с собой денег, – возражал монах.

– Стало быть, деньги носят тебя, – не сдавался Уленшпигель. – Я знаю, они у тебя в сандалиях. Дай сюда твои сандалии!

Но монах ему:

– Сын мой, это достояние обители! Впрочем, так и быть, вот тебе два патара за труды.

Монах протягивал деньги, Уленшпигель благосклонно их принимал.

Так показывал он изображения жителям Дамме, Брюгге, Бланкенберге и даже Остенде.

И, вместо того чтобы сказать по-фламандски: Ik ben и lieden spiegel, то есть: «Я ваше зеркало», он проглатывал слоги и произносил так, как и сейчас еще произносят в Восточной и Западной Фландрии: Ik ben ulen spiegel.

Вот откуда пошло его прозвище – Уленшпигель.

21

Придя в возраст, он повадился шататься по ярмаркам и рынкам. Если ему попадались гобоист, скрипач или же волынщик, то он за патар брал у них уроки музыки.

Особенно он навострился играть на rommelpot’e – самодельном инструменте, состоявшем из горшка, пузыря и длинной тростинки. Мастерил он его так: с вечера натягивал смоченный пузырь на горшок, вставлял туда тростинку, так что она одним концом упиралась в дно, а верхнее ее коленце перевязывал и подпирал им пузырь, отчего пузырь натягивался до отказа. К утру пузырь высыхал и при ударах бухал, как тамбурин, а тростинка звучала под рукою приятней, чем виола. На Крещенье Уленшпигель брал свой горшок, хрипевший и лаявший, как цепной пес, и шел по домам Христа славить с гурьбою мальчишек, один из которых нес блестящую бумажную звезду.

Если в Дамме появлялся живописец с целью увековечить на полотне членов какой-нибудь гильдии, Уленшпигель, только чтобы посмотреть, как он работает, предлагал ему свои услуги по части растирания красок за скромное вознаграждение в виде трех лиаров, ломтя хлеба и кружки пива.

Растирая краски, он изучал манеру мастера. Когда тот отлучался, он старался ему подражать, но злоупотреблял красной краской. Он пытался нарисовать Клааса, Сооткин, Катлину, Неле, а также горшки и кружки. Клаас, поглядев на его рисунки, предрек, что со временем он научится разрисовывать speelwagen’ы – так во Фландрии и в Зеландии называются фургоны с бродячим цирком – и будет загребать деньги лопатой.

У каменщика, который подрядился сделать на клиросе в соборе Богоматери для престарелого настоятеля сиденье, на котором тот, когда устанет, мог бы сидеть так, чтобы молящимся казалось, будто он стоит, Уленшпигель научился резать по камню и дереву.

Уленшпигель первый сделал резную рукоять для ножа, и в Зеландии такие рукояти не вывелись доныне. Он сделал ее в виде клетки. Внутрь положил выточенный череп. Сверху прикрепил к клетке выточенную лежащую собаку. Все это должно было означать: «Клинок, верный по гроб жизни».

Так начали сбываться предсказания Катлины, что, мол, кем-кем только Уленшпигель не будет: и ваятелем, и живописцем, и крестьянином, и дворянином, – должно заметить, что у рода Клаасов был свой герб, переходивший от отцов к детям: три серебряные кружки в натуральную величину на поле цвета bruinbier’a.[43 - Сорт темного пива (флам.).]

Но ни на одном ремесле Уленшпигель остановиться не мог, и в конце концов Клаас объявил ему, что если так будет продолжаться, то он его выгонит.

22

Однажды император, возвратившись из похода, спросил, почему его сын Филипп не вышел с ним поздороваться.

Архиепископ, воспитатель инфанта, ответил, что инфант не пожелал выйти, ибо, по его словам, он любит только книги и уединение.

Император осведомился, где в настоящую минуту находится инфант.

Воспитатель сказал, что его нужно искать по темным закоулкам. И они отправились на поиски.

Пройдя длинную анфиладу комнат, император и архиепископ в конце концов очутились в каком-то чулане с земляным полом, куда свет проникал через небольшое отверстие в стене. В землю был вбит столб, а к столбу подвешена маленькая славненькая мартышка, присланная его высочеству в подарок из Индии, с тем чтобы она своими резвостями его забавляла. Внизу еще дымились непрогоревшие дрова, в чулане стоял мерзкий запах паленой шерсти.

Зверек так мучился, издыхая на огне, что при взгляде на его маленькое тельце казалось, будто это не тельце существа, в котором только что билась жизнь, но какой-то кривой, узловатый корень. Рот, широко раскрытый, точно в предсмертном крике, был полон кровавой пены, мордочка мокра от слез.

– Кто это сделал? – спросил император.

У воспитателя язык прилип к гортани. Оба молчали, сумрачные и возмущенные.

Внезапно в заднем темном углу кто-то как будто кашлянул. Его величество оглянулся и увидел инфанта Филиппа – тот, весь в черном, сосал лимон.

– Дон Фелипе, – сказал император, – подойди и поздоровайся со мной.

Инфант, не шевелясь, смотрел на него испуганным и недобрым взглядом.

– Это ты сжег обезьянку? – спросил император.

Инфант потупился.

– Если ты способен на такое зверство, то имей по крайней мере мужество в этом признаться, – молвил император.

Инфант не проронил ни слова.

Император выхватил у инфанта лимон и, зашвырнув, бросился на сына с кулаками, сын от страха обмочился, но архиепископ остановил императора и сказал ему на ухо:

– Его высочество в один прекрасный день станет великим сожигателем еретиков.

Император усмехнулся, и они вышли, оставив инфанта один на один с обезьянкой.

Но далеко не одни обезьяны умирали тогда на кострах.

23

Пришел ноябрь, студеный месяц, когда кашлюны с наслаждением предаются музыке харканья. В эту пору мальчишки целыми стаями совершают набеги на чужие огороды и воруют что придется – к великой ярости крестьян, которые с вилами и дубинами попусту за ними гоняются.

Как-то вечером Уленшпигель, возвращаясь после одного из таких набегов домой, услышал, что под забором кто-то скулит. Нагнувшись, он увидел лежавшую на камнях собачку.

– Бедный песик! Что ты тут делаешь в такой поздний час? – спросил он.

Погладив собачонку и почувствовав, что спина у нее мокрая, словно ее незадолго перед тем кто-то швырнул в воду, Уленшпигель, чтобы согреть, взял ее на руки.

Придя домой, он сказал:

– Я раненого принес. Что с ним делать?

– Перевязать, – посоветовал Клаас.

Уленшпигель положил собаку на стол. При свете лампы Клаас, Сооткин и он обнаружили, что это рыженький люксембургский шпиц и что на спине у него рана. Сооткин промыла рану, смазала мазью и перевязала тряпочкой. Видя, что Уленшпигель несет шпица к себе на кровать, Сооткин выразила желание взять его к себе – она боялась, как бы Уленшпигель, который, по ее выражению, вертится во сне, точно бес под кропилом, не придушил собачонку.

Но Уленшпигель настоял на своем. И он так старательно ухаживал за раненым, что через неделю тот уже бегал с нахальным видом заправского барбоса.

А schoolmeester, школьный учитель, назвал пса Титом Бибулом Шнуффием[44 - Тит Бибул (лат. bibulus – пьяница) Шнуффий (от флам. snuffelen – нюхать) – тройная кличка, данная псу школьным учителем, пародирует трехчленное древнеримское имя.]: Титом – в честь сердобольного римского императора, подбиравшего всех бездомных собак; Бибулом – за то, что он, как настоящий пьяница, пристрастился к bruinbier’у, а Шнуффием – за то, что он вечно что-то вынюхивал и совал нос во все крысиные и кротовые норы.

24

В конце Соборной улицы по берегам глубокого пруда стояли, одна против другой, две ивы.

Уленшпигель протянул между ивами канат и в одно из воскресений, когда в соборе кончилась служба, начал на этом канате плясать, да так ловко, что толпа зевак рукоплесканиями и криками выразила ему свое одобрение. Потом он спрыгнул наземь и обошел зрителей с тарелкой – тарелка быстро наполнилась, но из всей выручки Уленшпигель взял себе только одиннадцать лиаров, а остальное высыпал в передник Сооткин.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

…в количестве восемнадцати человек… – Издание «Легенды» 1869 г. иллюстрировали 18 художников.

2

Птица Минервы. – В античной мифологии сова – птица богини Минервы, покровительницы ремесел, наук и искусств.

3

Дамме – городок близ Брюгге (Фландрия).

4

…ведь по меньшей мере двадцать глав в твоем произведении принадлежат мне… – К этим словам в издании 1869 г. (где впервые появилось «Предисловие совы») сделано следующее примечание (написано де Костером, но названо «примечанием издателей»): «Это утверждение вполне верно. Поэт

позаимствовал из небольшой фламандской книжечки… озаглавленной „Het aerdig leven van Thyl Ulenspiegel“ („Земная жизнь Тиля Уленшпигеля“), главы 6, 13, 16, 19, 24, 35, 39, 41, 43, 47, 48, 49, 53, 55, 57, 59 и 60 первой книги своего сочинения. Номера глав, набранные здесь курсивом, обозначают, что главы эти – скорее создание автора, нежели пересказ. Впрочем, и все они подверглись значительной обработке, за исключением 62, 63 и 64. Остальные – с главы 65 и до конца сочинения – полностью принадлежат г. Ш. де Костеру, как, следовательно, и книги II, III, IV, V, которые целиком созданы воображением автора. Мы должны, однако, указать на два исключения: 1) проповедь брата Корнелиса Адриансена (с. 250 и сл.) заимствована по частям из сборника 1590 г. Автору пришлось свести воедино несколько отрывков из речей этого необузданного проповедника, чтобы можно было, избежав беспрестанных повторений, правильно нарисовать картину разнообразия сект XVI в.; 2) рефрен „Песни гёзов“ (с. 288) заимствован из песни тех времен, изложение исторических событий, например, рассказ о погроме собора Богоматери в Антверпене (с. 260 и сл.) и „Песня о предателях“ (с. 526 и сл.) основаны в главнейших чертах: первый – на достоверном сообщении почтенного хрониста Ван Метерена; вторая – на источниках неоспоримой подлинности из Королевского архива в Брюсселе».

Сборник «проповедей брата Корнелиса Адриансена» (которого Костер считал историческим лицом) – анонимный памфлет конца XVI в.; Ван Метерен (1535–1612) – автор капитального сочинения по истории Нидерландов, которым Костер широко пользовался.

5

Карл V, Габсбург – германский император (1519–1556), король Испании (с 1516 г.) под именем Карла I. Благодаря династическим связям и завоеваниям под его властью на краткое время оказались объединенными Испания, Нидерланды, часть Италии, Германская империя, испанские колонии в Новом Свете и другие земли. Современники говорили, что в его владениях никогда не заходит солнце. Опираясь на реакционные силы Европы, Карл V стремился к созданию всемирной католической монархии. Подчиненная этой фантастической цели, политика его вызывала сопротивление и восстания в разных частях обширной державы. Проведший жизнь в войнах, но, несмотря на отдельные территориальные приобретения, не приблизившийся к осуществлению своих планов, Карл V в

1556 г. отрекся от престола.

6

Филипп II – король Испании (1556–1598), сын Карла V. Правление Филиппа II было вершиной и началом упадка испанского абсолютизма. Внутренняя политика этого короля отмечена жестоким подавлением народных восстаний, уничтожением старинных местных привилегий, свирепыми преследованиями еретиков и инаковерующих, разгулом инквизиции. Во внешней политике Филипп II добивался подчинения всей Европы своему влиянию и вмешивался во внутренние дела других стран, поддерживая всюду силы католической реакции. После восстания в Нидерландах и поражения в войне с Англией (1588) крах испанской великодержавной политики стал очевиден.

7

Я согрешил (лат.).

8

Кифера – древнее название одного из островов Греции, расположенного при входе в Лаконский залив. Кифера считалась родиной культа Афродиты, богини любви.

9

Твердокаменная Агнесса – христианская мученица, жившая, по преданию, в III или IV в.

10

Сорт пива (флам.).

11

Патар – мелкая монета; флорин – крупная золотая монета.

12

Буквально: солнце на востоке (флам.).

13

Буквально: камень, каменное строение; здесь: тюрьма (флам.).

14

Лиар – мелкая монета.

15

Гудзак (Goedzac) – по-фламандски означает «мешок доброты». Имя Ламме (Lamme) – по-фламандски – «ягненок».

16

Сорт крепкого пива (флам.).

17

Крузат – старинная голландская монета.

18

Старинная голландская монета, полтора гульдена. – Здесь и далее примеч. пер.

19

Капитул – в католической церкви коллегия духовных лиц (каноников) кафедрального собора, составлявшая при епископе совет с административными и судебными полномочиями. Капитулами назывались также коллегии духовных лиц других крупных храмов.

20

Императорские военачальники… ворвались в святой град… – В мае 1527 г. Рим был взят и разграблен войсками Карла V, которого сложная династическая и военная борьба привела к столкновению с папой Климентом VII, поддерживавшим французского короля Франциска I. Поход на Рим был предпринят во время перемирия с папой, по инициативе вышедших из повиновения солдат, но одобрен Карлом V. И Карл, и еще более фанатичный Филипп II не раз оказывались во враждебных отношениях с главой католической церкви.

21

Принц Оранский – здесь не Вильгельм, один из героев романа Костера, а Филибер (1502–1530), полководец, перешедший от Франциска I к его врагу Карлу V, который одарил его владениями в Нидерландах. Участвовал во взятии Рима в 1527 г. и после гибели герцога Бурбонского был избран солдатами главнокомандующим. После смерти Филибера титул принца Оранского перешел к брату его жены Рене Нассау-Шалонскому, двоюродному брату Вильгельма.

22

Герцог Алансонский. – По-видимому, Костер по ошибке называет герцогом Алансонским герцога Бурбонского (1490–1527), бывшего главнокомандующим у Франциска I и переметнувшегося к Карлу V. Он в 1525 г. разбил французов при Павии, в 1527 г. возглавил императорское войско, шедшее на Рим, и был убит при штурме города.

23

Фрундсберг, Георг фон (1473–1528) – немецкий полководец. В 1527 г. стоял во главе одиннадцатитысячной армии, полученной Карлом V от немецких протестантов, с которыми император временно примирился, рассчитывая на их помощь в войне с папой. Фрундсберг со своей армией принял участие в военных действиях на территории Италии.

24

Святейшего владыку заточили. – После вторжения войск Карла V в Рим папа Климент VII еще около месяца сопротивлялся, запершись в своей крепости – замке Святого Ангела, но был вынужден капитулировать. Карл не торопился выручать папу, и он до осени оставался пленником в руках солдат. Это не помешало папе вскоре примириться с Карлом и в 1530 г. самому короновать его императорской короной.

25

Рейтары – наемная кавалерия, появившаяся в XVI в. на смену конным рыцарям, сражавшимся в одиночку. Ландскнехты – немецкие наемные войска (пехота), в XVI в. служившие и за пределами Германии.

26

…и тогда… папой никому из них не бывать. – Скопец не мог быть избран папой.

27

…отменил все торжества… – Взятие Рима солдатами Карла, среди которых (особенно среди немецких наемников) было много протестантов, и разгром города, сопровождавшийся грабежом церквей и другими кощунствами, произвели тяжелое впечатление в Испании. Чтобы как-то сгладить его и выразить свое сожаление, Карл отменил празднества по случаю рождения сына. Однако он не спешил урегулировать отношения с захваченным в плен папой и ничего не сделал, чтобы прекратить бесчинства и насилие своих солдат.

28

Сорт пива (флам.).

29

Труба Иисуса Навина. – Согласно Библии, стены города Иерихона, осажденного Иисусом Навином, рухнули от звука труб.

30

Собираются восстановить свирепые королевские указы. – Начиная с 1521 г. Карл V начал издавать указы против еретиков. Здесь излагается так называемый Кровавый указ 1550 г. (издан несколько позже того времени, о котором идет речь).

31

Профос – полицейский чин.

32

…учения Мартина Лютера… и т. д. – Здесь перечислены имена некоторых предшественников и деятелей реформации – широкого общественного движения, направленного против католической церкви: против ее догматов (о верховной власти папы, об исключительной роли церкви в спасении души человека и др.), ее обрядов, против культа святых и почитания икон, наконец, против папства как политической силы. Наибольшее распространение реформационные учения получили в конце Средневековья, в пору расцвета городской жизни и культуры Возрождения. Все реформационные учения жестоко преследовались папством и католическими монархиями. Отколовшиеся от католицизма в результате реформации церковные направления получили впоследствии общее название – протестантизм. Упомянутые в тексте реформаторы – частью современники Карла V, как, например, немцы Мартин Лютер (1483–1546) и Филипп Меланхтон (1497–1560), швейцарец Ульрих Цвингли (1484–1531), частью писатели и мыслители предшествующих веков, как итальянец Марсилий Падуанский (ок. 1275 – ок. 1343 гг.), англичанин Джон Уиклиф (здесь: Иоанн Виклиф) (ок. 1320–1384 гг.), чешский национальный герой Ян Гус (1371–1415).

33

Лувенский университет. – Университет в г. Лувене (Брабант) с середины XVI в. становится оплотом католицизма.

34

…рассуждать и спорить о Священном Писании… – Сторонники церковных реформ в полемике с папистами издавна опирались на толкование библейских текстов, показывая несоответствие католического учения Писанию. Ортодоксальные католики не могли ответить на эту критику ничем, кроме

запрета простым верующим читать и толковать Библию.

35

Фригийский колпак – высокий красный колпак, загнутый вперед; головной убор древних фригийцев (Малая Азия).

36

Гамбривиус (иначе Гамбринус) – легендарный король Фландрии и изобретатель пива. Имя Гамбринус производят от искаженного Johannes Primus – латинской формы имени герцога Иоанна I, покровителя брюссельской гильдии пивоваров в XIII в.

37

Примитивный музыкальный инструмент, буквально: «гремящий горшок» (флам.).

38

Льеж – город в Южных Нидерландах, центр Льежского епископства, большой области, находившейся под властью епископа и формально автономной.

39

Официал – должностное лицо при епископе, выполнявшее функции церковно-судебной власти.

40

Де ла Марк, Эбергард (Эврар) (ок. 1475–1538 гг.) – льежский епископ (с 1505 г.), кардинал (с 1520 г.). Деспотичный, воинственный и жестокий, свирепо преследовавший еретиков, он был ненавистен даже своему окружению.

41

Мария Египетская – христианская святая. По преданию, в молодости была блудницей, а потом раскаялась.

42

Астарта – у древних финикиян богиня плодородия и любви; в позднейшие времена ее имя стало символом распутства.

43

Сорт темного пива (флам.).

44

Тит Бибул (лат. bibulus – пьяница) Шнуффий (от флам. snuffelen – нюхать) – тройная кличка, данная псу школьным учителем, пародирует трехчленное древнеримское имя.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharl-de-koster/legenda-ob-ulenshpigele-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить